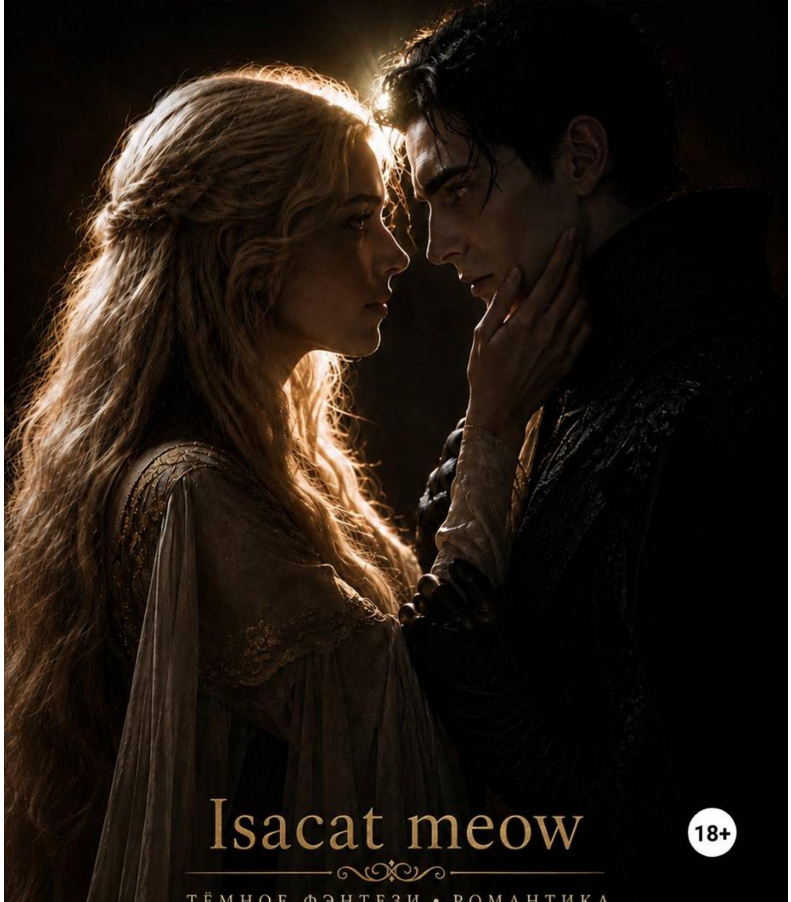

КУКЛОВОДА ЛОЖНАЯ СВЯТАЯ

ТЁМНОЕ ФЭНТЕЗИ • РОМАНТИКА

Isacat meow

18+

ТЁМНОЕ ФЭНТЕЗИ • РОМАНТИКА

isacat meow

Ложная святая Кукловода

<https://litres.ru/74398767>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мирелль всю жизнь считали Святой — лицом Храма и живым чудом. Но за красивыми церемониями скрывалась правда: у неё никогда не было магии, а каждое «чудо» создавали другие.

Когда Храм решает расплатиться ею и отправить к королю Вейра, Мирелль впервые выбирает себя — и бежит.

В лесу она встречает Северина, загадочного Кукловода, способного управлять людьми с помощью чёрных нитей. Он опасен, жесток и не собирается отпускать её. Но рядом с ним Мирелль впервые получает право говорить «нет», злиться и выбирать.

Пока Храм и корона идут по её следу, Мирелль узнаёт правду о своём прошлом, а желание Северина защитить её всё сильнее превращается в одержимость.

Когда их ребёнок становится новой целью, им приходится бороться против тех, кто снова хочет превратить Мирелль в свою собственность.

isacat meow

Ложная святая Кукловода

THE DOLLMASTER'S FALSE SAINTESS

РУССКАЯ ВЕРСИЯ

ТЁМНОЕ РОМАНТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

ISACAT MEOW

Глава 1

Только услышав за спиной цокот копыт во второй раз, Мирелль по-настоящему поняла: возможно, уйти ей не удастся. Сначала звук был ещё далеко — рваные отголоски доносились с дальнего конца лесной дороги, рассыпаясь в ночном ветре и шелесте листвы. Мирелль остановилась, упёрлась ладонью в шершавый ствол дерева и затаила дыхание. Затем тяжёлый, размеренный стук повторился. Кто-то нагонял её. Она не обернулась.

От подола платья она уже оторвала длинную полосу ткани. Белая нижняя юбка, прежде аккуратно доходившая до щиколоток, была насквозь пропитана грязью, а серо-бурый плащ, сташенный из прачечной перед побегом, оказался слишком большим и слишком тяжёлым. Стоило ей ускориться, как он сползал с плеч. Придерживая ворот у груди, Мирелль шла по узкой тропке между деревьями — тропке, которую и дорогой-то назвать было трудно. Бежать во весь дух она не могла. Этот урок она уже усвоила. Полчаса назад ей казалось, что

главное — просто не останавливаться. А потом правая нога провалилась в яму, скрытую под сухой листвой, и Мирелль едва не покатилась вниз по склону.

Щиколотка всё ещё ныла. Где она находится, Мирелль не представляла. Знала только одно: назад нельзя. Пока этого было достаточно. Лес оказался темнее, чем она вообще могла вообразить. В храме ночь никогда не выглядела так. Во всех коридорах безотказно горели лампы. Комнаты освещали зачарованные свечи, а даже в самых дальних уголках сада служители регулярно меняли световые кристаллы. Мирелль никогда прежде не стояла в месте, где совсем не было света. Теперь тропу удавалось разглядеть лишь тогда, когда луна пробивалась сквозь кроны и между деревьями разливалось немного серовато-белого сияния.

Нога снова за что-то зацепилась. Мирелль прикусила губу и схватилась за ветку, чтобы не упасть.

— Это же...

Она оборвала себя. Разговаривать вслух с самой собой ей почти не приходилось. До сегодняшней ночи рядом всегда кто-нибудь был: служанка, придворный сопровождающий, храмовый стражник, наставница по этикету. Даже если Мирелль всего лишь хотела пройти из комнаты в сад, кто-то непременно знал, куда именно она направилась. Теперь не знал никто. Это должно было казаться чудесным. Вместо этого она начинала понимать: если за тобой никто не следует, то рядом нет и человека, который знает, куда ведёт эта

тропа. Цокот копыт приблизился. Мирелль подняла голову. На краю леса будто бы мерцал слабый свет.

Раздумывать было некогда. Подхватив юбки, она поспешила туда. Свет становился ярче. Это была не деревня. У дороги стояла лишь небольшая гостиница — во всяком случае, Мирелль решила, что это гостиница. Над входом в низкое деревянное здание тускло горел жёлтый фонарь. Вывеска тихо поскрипывала на ветру. Рядом были привязаны две лошади, а во дворе стояла потрёпанная грузовая повозка. Несколько секунд Мирелль наблюдала из-за деревьев.

В гостинице она никогда не останавливалась. Конечно, она знала, что это такое. Знатные путешественники пользовались почтовыми дворами, торговцы и наёмники ночевали в обычных придорожных заведениях. Однажды Мирелль даже слышала, как представители купеческой гильдии жаловались на сборы за постой на северных дорогах. Но знать подобные вещи и в одиночку стоять перед дверью гостиницы — совсем не одно и то же. Она нащупала кошелек под плащом. Деньги были на месте. Перед побегом она забрала все монеты, какие смогла найти. Двенадцать серебряных. Много это или почти ничего, Мирелль понятия не имела. В храме ей никогда не приходилось платить самой.

Она поправила тёмную ткань, обмотанную вокруг головы, проверяя, полностью ли скрыты волосы. Ни одной заметной бледно-золотой пряди не было видно; лицо Мирелль нарочно перепачкала грязью. С первого взгляда её никто не узна-

ет. Повторив это про себя, она толкнула дверь.

Внутри оказалось куда шумнее, чем она ожидала. У стены несколько мужчин пили за столом, женщина средних лет в переднике убирала посуду. В углу спал человек, похожий на торговца, уронив голову на сложенные руки. В очаге жарко горел огонь, и воздух был наполнен смешанным запахом эля, жареного мяса и древесного дыма.

Когда дверь открылась, несколько человек повернули головы. Мирелль инстинктивно замерла. На неё всегда смотрели — потому что она была Святой. Но те взгляды были сдержанными. Люди склоняли головы, уступали дорогу и никогда не смели разглядывать её долго. Здесь никто так себя не вёл. Мужчина у входа дважды окинул её взглядом, потерял интерес и снова отвернулся к кружке. Реакция была настолько обыкновенной, что почти казалась грубой, и Мирелль несколько мгновений лишь молча смотрела на него.

— Комната нужна?

Женщина в переднике уже стояла перед ней. Мирелль пришла в себя.

— Да.

— На одну ночь?

— ...Да.

Женщина быстро её оглядела.

— Одно серебро. Горячая вода отдельно.

Мирелль сразу полезла под плащ. Хозяйка наблюдала, как она достаёт серебряную монету из маленького кошелька, за-

тем перевела взгляд на её руки.

— Впервые одна из дома выбралась?

Мирелль помедлила.

— Нет.

Женщина тихо усмехнулась, но разоблачать ложь не стала.

— Имя?

Мирелль открыла рот и поняла, что никакого имени себе не придумала. Всю дорогу она думала о стражниках, о том, как сменить одежду, как спрятать волосы. Ей и в голову не пришло, что кто-нибудь просто спросит, как её зовут. Женщина ждала.

— Мисс?

— Ми...

Мирелль резко осеклась. Мужчина за соседним столом поднял голову. Сердце болезненно сжалось.

— Мира, — сказала она.

Женщина кивнула и сделала несколько пометок в книге.

— Второй этаж, последняя дверь. Замок там разболтан, на ночь подопри ручку стулом.

Мирелль взяла ключ.

— Спасибо.

Хозяйка уже отвернулась. Мирелль ещё стояла, переводя взгляд с ржавого ключа на лестницу. И всё? Никто не спросил, откуда она. Никого не интересовало, кто её родители. Документы тоже не потребовали. Может быть, внешний мир

представлялся ей слишком сложным — или, наоборот, она даже не понимала, насколько он сложен на самом деле.

Она успела подняться всего на две ступени, когда снаружи послышались лошади. Мирелль застыла. Не одна. По меньшей мере четыре. Остальные посетители гостиницы не встревожились. Только хозяйка взглянула на дверь.

Мирелль осталась на середине лестницы. Можно было продолжить подъём. Если всадники просто проезжали мимо, бегство сейчас лишь привлечёт внимание. Но если они приехали за ней... Пальцы сжались вокруг ключа.

Дверь распахнулась, впустив холодный воздух. Вошли четверо мужчин в тёмной дорожной одежде, сапоги у всех были в грязи. Мирелль не обернулась, но форму узнала. Это не храмовая стража. Люди Короны.

Она продолжила подниматься. Одна ступень. Потом ещё одна. Снизу спросили:

— Сегодня сюда заходила молодая женщина?

Хозяйка ответила не сразу.

— Молодые женщины каждый день заходят.

— Одна. Двадцать два года. Рост примерно такой.

Мирелль дошла до поворота лестницы. На стене висело маленькое зеркало. Лицо в отражении было мертвенно-бледным.

— Светлые волосы, — продолжил мужчина. — Возможно, серый плащ.

Хозяйка помолчала. Мирелль знала: ждать, что незнако-

мая женщина станет ради неё лгать, нельзя. И винить её она тоже не имела права. Одна серебряная монета не стоила чужой жизни.

— Не заметила, — наконец сказала хозяйка. — Сами смотрите.

Один из мужчин уже шёл к лестнице. Мирелль повернулась. Другого выхода из верхнего коридора не было. В дальнем конце — окно, высоко над двором. Она вошла в комнату и закрыла дверь. Замок действительно едва держался. Мирелль протащила стул по полу и подперла им ручку.

Шаги приближались. Открылась соседняя дверь. Кто-то недовольно возмутился. Ещё одна дверь. Мужчина пробормотал извинение и пошёл дальше.

Мирелль подбежала к окну. Второй этаж оказался не настолько высоким, как ей представлялось. Внизу стояли деревянные ящики, рядом — корыто с водой.

Если прыгнуть... Она посмотрела на повреждённую щиколотку. Нет. Не прямо отсюда.

Мирелль быстро оглядела комнату. Кровать. Стол. Стул. Шторы. На шторах её взгляд задержался на две секунды. Она подошла и дёрнула ткань. Та оказалась прочнее, чем выглядела. Мирелль рванула ещё дважды — без толку.

— Почему это так крепко прибито?

За дверью слышались шаги. Мирелль мгновенно замолчала. Кто-то остановился.

— Там кто-нибудь есть?

Она не ответила. Ручка шевельнулась. Стул задрожал.
— Мисс?

Это был один из королевских всадников. Мирелль стиснула штору, ладони стали влажными.

— Обычная проверка. Пожалуйста, откройте дверь.

Она не двинулась. Несколько секунд длилась тишина. Затем голос мужчины изменился.

— Ломайте.

Мирелль рванула изо всех сил. На этот раз деревянный карниз вылетел из стены. Не обращая внимания на грохот, она обмотала штору вокруг железного крюка у окна и выбросила остальную ткань наружу. До земли не хватало. Но всё же лучше, чем прыгать.

Первый удар пришёлся в дверь. Стул отъехал на ладонь. Мирелль выбралась в окно. Ночной ветер хлестнул по лицу. Она вцепилась в ткань и упёрлась ногами в стену. Пока спускалась, ладони обожгло трением. Сверху раздался треск. Дверь поддалась.

— Она снаружи!

Мирелль перестала осторожничать и просто отпустила ткань. При приземлении правую ногу пронзила боль, и она едва не упала на колени. Лошади во дворе заржали и шарахнулись. Кто-то высунулся из окна.

— Стой!

Она не остановилась. Оттолкнулась от стены, прихрамывая пересекла двор и перелезла через низкую ограду с дру-

гой стороны. Сколько она бежала, Мирелль не знала. Знала лишь, что вскоре за спиной снова загревели копыта. На этот раз она не рискнула держаться дороги. Нырнула в другой участок леса, позволяя веткам царапать лицо и цепляться за плащ. Лунный свет исчез. Небо заволокли тучи. Дыхание сбилось, шаги замедлились.

В конце концов пришлось остановиться. Впереди не было дороги. Только река.

Широкая, и в темноте глубину не определить. Мирелль стояла на берегу и смотрела назад. Между деревьями появились огни. Преследователи несли фонари. Они приближались. Плавать она не умела. И уж точно не смогла бы пересечь такую реку с повреждённой ногой.

Мирелль смотрела на чёрную воду, не понимая, что делать. И тут за спиной, с другой стороны, раздался звук. Не лошадь. Шаги. Очень тихие.

Она резко обернулась.

Среди деревьев неподалёку стоял мужчина. На нём было чёрное пальто. Ни фонаря, ни оружия. Он просто стоял в тени и смотрел на неё.

Мирелль инстинктивно отступила. Пятка коснулась воды. Взгляд мужчины прошёлся по её плащу и остановился на лице. Ни удивления. Ни вопроса. Он молча изучал её.

Голоса преследователей становились громче.

— Искать вдоль реки!

Мирелль посмотрела на незнакомца.

— Вы можете мне помочь?

Он продолжал смотреть перед собой. Она попробовала снова:

— Пожалуйста... здесь поблизости можно где-нибудь перебраться на другой берег?

Его взгляд окончательно остановился на её лице. Прошло несколько секунд.

— Да.

В груди что-то отпустило.

— Где?

Мужчина поднял руку и указал ей за спину.

— Ниже по течению.

— Далеко?

— Не очень.

Между деревьями уже мелькали фонари. На новые вопросы времени не осталось.

— Спасибо.

Мирелль отвернулась. Сделала два шага, и за спиной прозвучал его голос:

— Тебе стоит поторопиться.

Она оглянулась, не замедляя хода.

— Почему?

Он не сдвинулся с места. Лицо оставалось совершенно спокойным.

— Потому что те люди собираются тебя забрать.

Мирелль нахмурилась.

— Я знаю.

— Я не о них.

На мгновение она не поняла. Затем его рука опустилась. Вокруг кончиков пальцев будто была обмотана чёрная нить — настолько тонкая, что её почти невозможно увидеть. Другой конец исчезал в темноте. Прежде чем Мирелль успела всмотреться, нить пропала.

Мужчина продолжал наблюдать за ней. Когда он заговорил снова, голос был тихим.

— Я о себе.

Глава 2

Мирелль застыла всего на пол-удара сердца. Мужчина не повысил голос. В его тоне не прозвучало открытой угрозы. И всё же холод по спине прошёл сильнее, чем когда она слышала приближающихся всадников. Река плескалась у неё за спиной. Мирелль больше ничего не спросила. Развернулась и пошла вниз по течению. Но свет факелов уже прорвался сквозь деревья.

— Там!

Мирелль на мгновение закрыла глаза. Из леса вылетели четыре лошади, копыта разбрасывали мокрую землю. Передний всадник явно испытал облегчение, увидев её. Титулом он Мирелль не назвал. Спешился и понизил голос.

— Мисс, дальше не ходите. Вернитесь с нами, и никто не пострадает.

— Если я вернусь с вами, кто-нибудь обязательно постра-

дает.

Ответ прозвучал сразу. Всадник посмотрел на неё так, словно перед ним была упрямая девчонка, которая наконец выбилась из сил, но всё ещё отказывалась вести себя разумно.

— Не усложняйте. Нам приказано вернуть вас сегодня же.

— Тогда возвращайтесь и скажите, что опоздали. Скажите, что ничего не нашли.

Никто не ответил. Мирелль уже знала: разговор бессмыслен. В храме и при Короне часто говорили «пожалуйста», когда выбора ей всё равно не оставляли.

Один из всадников двинулся вперёд. Мирелль отступила, пока холодная вода не залила пятку туфли. Ещё шаг — и она окажется в реке. Плавать она не умела, а через столь сильное течение с повреждённой щиколоткой не перебралась бы тем более.

Только подойдя совсем близко, всадник заметил мужчину у деревьев.

— Ты кто? Это тебя не касается.

Северин стоял под ветвями с тем же бесстрастным выражением лица.

— Не касалось.

— Тогда ответь. Откуда она пришла?

Северин взглянул на Мирелль. У неё всё внутри оборвалось.

— Я её видел.

Всадник нахмурился, терпение заканчивалось.

— В какую сторону?

Северин небрежно указал рукой. Совсем не туда, откуда пришла Мирелль. Всадник, похоже, это понял. Лицо всадника напряглось.

— Спрошу ещё раз. Куда она пошла?

Северин промолчал.

Другой мужчина потерял терпение и потянулся к Мирелль. Рука замерла в воздухе. Сначала ей показалось, что он передумал. Потом выражение его лица начало меняться. Задражили пальцы. Затем вся рука.

— Что...

Кисть резко выгнулась назад. В ночи тихо хрустнула кость. Мужчина закричал. Остальные трое мгновенно схватили мечи.

Мирелль резко повернула голову к Северину. Оружия у него не было. Только правая рука слегка приподнята. Лунный свет пробился сквозь крону, и теперь она наконец увидела то, что было обвито вокруг его пальцев. Несколько невероятно тонких чёрных нитей.

Первый всадник обнажил меч. Он выглядел не менее потрясённым, чем остальные.

— Нет... подожди...

Рука больше ему не подчинялась. Клинок рубанул в сторону товарища. У реки зазвенела сталь. Две лошади попятись. Управляемый мужчина кричал собственному телу,

приказывал остановиться, отчаянно пытался отвести руку — но та словно больше ему не принадлежала. Второй едва успел отбить удар, прежде чем ноги под ним подогнулись и он рухнул в грязь.

Третий развернулся и побежал. Северин шевельнул одним пальцем. Беглеца дёрнуло назад, будто невидимая сила схватила его со спины, и швырнуло на землю.

Мирелль стояла неподвижно. Она даже забыла, что должна бежать. Магию она видела всю жизнь. Исцеление. Защитные барьеры. Огонь. Иллюзии. Но ничего подобного.

Люди не теряли сознание. Они понимали каждое движение своего тела. Именно это делало происходящее во много раз страшнее. Последний всадник, ещё остававшийся на ногах, задрожал. Меч в его руке поднялся. Остриё повернулось к собственному горлу.

— Не надо...

Голос мужчины сорвался. Северин смотрел на него. На лице — ни злости, ни возбуждения. Мирелль испугало это сильнее, чем любое безумие.

— Хватит. Позволь ему остановиться.

Северин не сводил глаз с мужчины. Клинок поднялся ещё на дюйм.

— Он не может сопротивляться тебе, — сказала она. — Нет нужды мучить его.

Северин коротко взглянул на людей, лежавших на земле.

— Он не собирался щадить тебя.

Через мгновение берег погрузился в тишину. Всадник рухнул в грязь. Мирелль долго не двигалась. Сначала посмотрела на тела. Потом на Северина.

— Ты убил их всех.

Он опустил руку. Нити исчезли. Объяснений не последовало. Самого движения, которым он убрал их, было достаточно.

Мирелль вспомнила, что он сказал несколько минут назад. Опасность — не люди, которые за ней гонятся. Опасность — он. Она попятилась. Северин поднял на неё взгляд.

Мирелль развернулась и побежала. Правая нога болела отчаянно, но она не обращала внимания. Она успела пробежать вдоль берега с десятков шагов и только тогда заметила: за ней никто не гонится. Она продолжила. На одно абсурдное мгновение ей даже пришло в голову, что он и правда собирается её отпустить.

А затем что-то обхватило щиколотку и резко дёрнуло назад. Мирелль тяжело упала в траву. Ладони проскользнули по мокрой земле и острым камням, мгновенно загоревшись болью. Она поднялась на руках и оглянулась.

Северин шёл к ней. Не спешил. Совсем. Будто с самого начала знал, что она никуда не денется.

Мирелль осталась сидеть в траве, пока его сапоги не остановились прямо перед ней. Она подняла голову.

— А я? — спросила она. — Что ты собираешься сделать со мной?

Северин смотрел на неё. Отрицать он не стал.

Глава 3

Мирелль сама не понимала, откуда в ней взялось столько спокойствия. Наверное, за эту ночь произошло слишком много. Настолько много, что сил кричать уже не осталось. Она сидела в холодной мокрой траве; ладони всё ещё саднили. Северин не спешил её убивать. Просто стоял над ней и смотрел так, словно обдумывал вполне будничный вопрос.

Мирелль покосилась на тела у реки.

— Я видела, как ты их убил. Значит, теперь тоже должна умереть?

Взгляд Северина скользнул мимо неё к берегу. Похоже, он решал, стоит ли сделать это прямо сейчас. Ответ Мирелль уже знала. Оставлять свидетеля в живых ему незачем.

Она опёрлась ладонью о землю и поднялась. Правую щиколотку пронзила боль, отчего брови невольно сошлись. Северин на миг взглянул на её ногу, затем отвёл взгляд.

— Если уж собираешься это сделать, хотя бы имя назови. — Мирелль заставила себя выпрямиться. — Не хотелось бы умереть, так и не узнав, кто меня убил.

Северин ничего не сказал. Только поднял руку. Мирелль чуть не рассмеялась. До чего же неудобный человек.

Она потянулась поправить платок на голове. В этот момент со стороны реки налетел порыв ветра. Ослабленная ткань соскользнула, и бледно-золотые волосы рассыпались по плечам. Руки Мирелль замерли.

Северин тоже.

Впервые он действительно разглядел её лицо. Его светло-серые глаза задержались на ней дольше прежнего. Не так, как мужчина смотрит на женщину. Скорее как человек, внешне узнавший лицо, которое прежде видел только на изображениях.

У Мирелль упало сердце.

— Мирелль.

Он произнёс имя как факт, а не вопрос.

Она закрыла глаза. Отпираться не было смысла. Её лицо знали по всему Солмеру — по храмовым брошюрам, праздничным объявлениям, религиозным фрескам, даже по дешёвым защитным талисманам. Мирелль никогда не думала, что известность однажды окажется настолько неудобной.

Северин несколько секунд смотрел на неё, затем опустил поднятую руку. Мирелль заметила.

— Подожди. — Она уставилась на его ладонь. — Ты не собираешься меня убивать?

Он отвернулся к реке. Она осталась стоять.

— Тогда хотя бы объясни. Я буду жить или ты просто придумал другой способ меня убить?

Северин присел возле одного из тел и обыскал пальто. Вскоре нашёл несколько сложенных листов и быстро их просмотрел. Мирелль, прихрамывая, подошла ближе.

— Ты меня узнал. — Ещё один шаг. — Поэтому передумал?

Он сложил один лист и убрал в пальто.

— Жива. Пока.

Наконец-то заговорил. Мирелль смотрела ему в спину.

— И сколько длится это «пока»? Пока мы не выйдем из леса? Пока ты не задашь все свои вопросы?

Северин проигнорировал их. Поднялся, убрал остальные бумаги, затем взглянул на неё.

— Зависит от того, будешь ли ты полезна.

Ответ не успокаивал, но хотя бы был понятен. Мирелль не могла решить, стало ей легче или страшнее. Человек, который собирался её убить и пощадил только после того, как понял, что перед ним Святая, едва ли желал ей добра.

Северин уже шёл вниз по течению. Сначала Мирелль не двинулась за ним. Через некоторое расстояние он остановился, не оборачиваясь. Она посмотрела на лес по другую сторону, потом на мёртвых мужчин у воды. Неизвестно, появятся ли новые всадники. Неизвестно, куда ведёт этот лес.

В конце концов она пошла за ним.

Долго они шли один за другим. Северин не спросил, почему она сбежала. Не упомянул Вейр и даже не стал снова подтверждать её личность. Мирелль заготовила целую коллекцию лжи — и ни одна не пригодилась. Чем дольше он молчал, тем сильнее её это тревожило.

— Я не могу вечно обращаться к тебе «эй». Как тебя зовут?

Он не обернулся.

— Иди.

Она подождала.

— Если скажешь, умрёшь?

Его шаг на миг сбился, будто он решал, будет ли Мирелль спрашивать всю ночь. Она нахмурилась.

— Я угадала?

Наконец Северин остановился. Она тоже. Он оглянулся.

— Северин.

Только имя. Мирелль ждала.

— И всё?

Он уже снова шёл вперёд. Прекрасно. Она поняла. К тому времени, как они дошли до деревянного моста, Мирелль почти волочила повреждённую ногу. Говорить не хотелось, и уж тем более не хотелось показывать Северину, насколько она близка к пределу. Но каждый шаг болел сильнее предыдущего.

Северин остановился на другой стороне моста. На этот раз некоторое время смотрел на неё. Мирелль опёрлась о деревянные перила.

— Не обязательно меня ждать. — Она перевела дыхание.
— Я ещё могу идти.

Северин посмотрел на её обескровленное лицо. Ложь разоблачать не стал. Просто пошёл медленнее. Мирелль заметила, но промолчала. Она начинала понимать: у этого человека есть множество вопросов, на которые он никогда не даст ответа.

Глава 4

Под утро они добрались до старой дорожной станции. Она пряталась за горной дорогой и снаружи выглядела заброшенной. Но когда Северин открыл дверь, внутри почти не было пыли. Он без труда зажёл зачарованную лампу на стене — как человек, которому это место хорошо знакомо.

Мирелль осталась у входа и оглядела аккуратно разложенные на столе спички, сушёные припасы и флаконы с лекарствами. Они нашли станцию не случайно. Спрашивать она не стала. Даже если спросит, он всё равно вряд ли ответит.

Северин достал из шкафа бутылочку с тёмным лекарством и поставил перед ней. Мирелль посмотрела на него, затем на бутылочку.

— Это мне?

Его взгляд опустился к её правой ноге. Мирелль села и вынула пробку. Запах был ужасный.

— Это пить или мазать щиколотку?

— Пить.

— Сначала ты должен сказать, не яд ли это.

Наконец он поднял глаза. Мирелль не удержалась.

— Не смотри так. Несколько часов назад ты собирался меня убить. Я имею право спросить.

Северин отвёл взгляд.

— Если бы я хотел твоей смерти, яд мне бы не понадобился.

Только после этого Мирелль выпила лекарство. Первый

глоток она едва не выплюнула. Горечь была чудовищной. Она заставила себя проглотить остальное, скривив всё лицо, и подняла взгляд. Северин наблюдал.

— Хочешь посмеяться?

Выражение его лица не изменилось. Он подвинул к ней чашку.

— Пей.

Просто вода. Мирелль осушила больше половины, прежде чем горечь наконец отступила.

Впервые у неё появилась возможность спокойно рассмотреть человека напротив. На его одежде не было ни одного заметного герба. Чёрные волосы отсырели, но манжеты казались неприлично чистыми для того, кто совсем недавно ушёл от груды трупов. Руки у него были красивыми — длинные изящные пальцы. Сейчас они неторопливо двигались вдоль короткого клинка, вытирая металл насухо.

Этими руками он управлял четырьмя живыми людьми. Северин заметил, что она смотрит. Мирелль отвернулась.

— Ты действительно кукольник?

Он продолжил очищать клинок. Через некоторое время ответил:

— В некотором смысле.

— Обычный кукольник может заставить живого человека двигаться против собственной воли?

— Нет.

Мирелль посмотрела на него. Этого хватило, чтобы по-

нять: к обычным кукольникам Северин не относится. Она больше не задавала вопросов. Слишком устала.

На станции было две комнаты. Северин указал на одну, и Мирелль ушла туда одна. Заперла дверь, подумала и подтащила к ней стул. Закончив, постояла за дверью несколько секунд.

Глупость. Если этот мужчина захочет войти, ни замок, ни стул его не остановят. И всё же она оставила всё как есть. По крайней мере, стул она поставила по собственному решению.

Она едва успела лечь, когда снаружи послышался тяжёлый волочащий звук. Сначала Мирелль решила, что показалось. Потом звук приблизился. По грязному двору что-то тащили.

Она села. В общей комнате шагов Северина не было слышно. Мирелль осторожно открыла дверь. Во дворе стоял мужчина.

Она застыла. Один из всадников с берега. На горле всё ещё зияла рана. Мужчина был мёртв.

Но стоял на ногах и тащил за руку другой труп. Мирелль отшатнулась. Северин сидел за столом и читал письмо, будто в происходящем не было ничего примечательного.

— Он мёртв.

Северин поднял голову. Мирелль тут же поняла, насколько глупо это прозвучало.

— Я знаю, что он мёртв. Я спрашиваю, почему мёртвый человек может ходить.

Северин посмотрел во двор. Труп развернулся и потащил второе тело к лесу.

— Пока нить остаётся, он может двигаться.

Мирелль больше ничего не сказала. Она смотрела, как тело исчезает в темноте, и внезапно с предельной ясностью поняла, насколько мало знает о Северине. Она вернулась в комнату, снова заперла дверь и подперла её стулом. Уже лёжа, всё ещё слышала, как в соседнем помещении время от времени переворачивается страница.

Северин ни разу не подошёл к её двери. Когда именно она уснула, Мирелль не знала. Запомнила лишь последнюю мысль перед сном. Если завтра появится возможность, она уйдёт.

Глава 5

Когда Мирелль проснулась, комнату уже заливал дневной свет. На станции стояла тишина. Она немного послушала и, убедившись, что снаружи никого нет, отодвинула стул. Северин исчез.

На столе лежал кусок хлеба и стояла чашка воды. Мирелль несколько секунд смотрела на них, затем села и съела всё до крошки. Она была слишком голодна, чтобы позволить себе подозрительность. Лекарство помогло. Правая щиколотка ещё побаливала, но ходить можно было нормально.

Мирелль подошла к окну. Во дворе была привязана чёрная лошадь. Она долго смотрела на неё. Ездить верхом Мирелль умела — не особенно хорошо, но достаточно. Храм

настоял, чтобы она научилась ради изящного вида во время паломничеств.

Мирелль оглянулась на пустую комнату. Ждать незачем. То, что Северин решил не убивать её прошлой ночью, вовсе не означало, что сегодня он решит так же. Свою жизнь она не собиралась доверять кукольнику, о котором даже ничего не знала.

Она вышла во двор. Чёрная лошадь лишь махнула хвостом, когда Мирелль подошла.

— Я тебя только одолжу.

Она погладила её по шее.

— Если он разозлится, это не твоя вина.

Лошадь не проявила ни малейшего беспокойства. Мирелль начала развязывать поводья. Она почти освободила последний узел, когда за спиной раздались шаги. Она застыла. Оборачиваться не требовалось.

Северин стоял у входа во двор с небольшим бумажным свёртком в руках. Сначала посмотрел на неё. Затем на поводья в её пальцах. Мирелль отпустила их.

— Прежде чем ты что-нибудь сделаешь, я могу объяснить, зачем брала твою лошадь.

Северин не пошевелился. Две секунды она молчала.

— Хотя нет. Ты, наверное, всё равно не хочешь слушать.

Объяснять действительно было почти нечего.

— Но я ухожу. — Она полностью выпустила поводья и встретила его взгляд. — Разрешения я не спрашиваю.

Северин продолжал смотреть на неё, затем перевёл взгляд на отвязанную лошадь. Мирелль ненавидела это чувство — будто весь разговор приходится вести одной.

— Вчера ты решил меня не убивать. Но это не даёт тебе права сегодня держать меня взаперти, даже не объяснив зачем.

Он поднял одну руку. Мирелль замолчала. Не потому, что боялась, что он перебьёт. Правая рука внезапно перестала ей подчиняться.

Все пять пальцев сами собой разжались. Поводья упали на землю. Холодное ощущение быстро поползло от запястья вверх по руке. Мирелль посмотрела вниз. Нити не видно. Но она точно знала, что это.

Она попыталась отступить. Вместо этого ноги понесли её вперёд. Шаг. Ещё один.

Кровь отхлынула от лица.

— Прекрати.

Голос дрогнул. Мирелль стиснула зубы и повторила:

— Северин, прекрати.

Он не двигался. Её тело шло к нему, пока Мирелль не остановилась прямо перед ним. Она отчаянно пыталась поднять руку, но не могла контролировать ни одного пальца. Это было не то же самое, что физическая хватка. Если тебя схватят, можно хотя бы бороться. Сейчас у неё отняли даже право на сопротивление.

Северин вытащил из-за пояса короткий нож и вложил ей

в ладонь. Пальцы сами сомкнулись на рукояти. Лезвие повернулось к ней. Дыхание Мирелль наконец сорвалось. Она посмотрела на Северина. Выражение лица не изменилось.

Это не пустая угроза. Он действительно собирается её убить.

— Что тебе от меня нужно?

Северин посмотрел на её руку, вынужденную держать нож.

— Чтобы ты перестала убегать.

Рука поднялась. Остриё остановилось у груди.

Мирелль смотрела на него. Разум был яснее, чем за всю ночь. Умолять нельзя. Не поможет.

— Вчера ты пощадил меня, потому что понял, кто я.

В его глазах ничего не изменилось.

— Тогда прежде чем решать, жить мне или умереть, ты хотя бы должен спросить, почему я оказалась там.

Нож замер. На одно мгновение. Мирелль ухватила за это.

— Меня ищет Солмер. И Вейр тоже. Но им от меня нужно совсем не одно и то же.

Северин перевёл взгляд с клинка на её лицо.

— Если убьёшь меня сейчас, так и не узнаешь, почему обе стороны за мной охотятся.

Он молча наблюдал. Мирелль казалось, будто она торгуется не с человеком, а с самим ножом.

— Меня должны были отправить в Вейр.

Нить не ослабла.

— Но не как Святую.

На этот раз Северин заговорил.

— Что ты должна была делать во дворце?

Мирелль прикусила щёку изнутри.

— Встретиться с Ореном.

Северин ждал. Очевидно, этого было мало. Унижение стиснуло горло, но нож всё ещё находился в её руке.

— Он хотел, чтобы я осталась во дворце.

Что-то во взгляде Северина изменилось. Мирелль заставила себя договорить.

— Не как его королева. Даже не как жена.

Она проглотила остатки гордости.

— Как наложница.

Во дворе стало тихо. Сила, управлявшая её рукой, исчезла. Нож упал в грязь. Мирелль отшатнулась и едва не потеряла равновесие — настолько сильным было облегчение от того, что тело снова принадлежит ей.

Северин не поддержал. Наклонился, поднял нож и вытер лезвие.

— Я всё рассказала. — Мирелль следила за его руками.
— Что теперь?

Северин вернул нож за пояс с таким видом, будто наконец принял решение.

— Ты всё ещё собираешься меня убить?

Он помедлил.

— Не сегодня.

Мирелль уставилась на него. Северин уже отвернулся к дому.

— Ты вообще умеешь нормально отвечать на вопросы?

Он унёс бумажный свёрток внутрь, оставив её одну во дворе. Мирелль ещё долго стояла на месте после того, как он исчез за дверью. Потом опустила взгляд на руку. Память о потере контроля всё ещё будто жила под кожей.

Она сжала пальцы. Разжала. Проверила, что они действительно принадлежат ей. И в этот момент поняла одну вещь куда яснее, чем даже тогда, когда её настигли всадники.

Человек перед ней был опаснее всего, от чего она пыталась сбежать.

Глава 6

Северин больше не упоминал её попытку сбежать. От этого Мирелль становилось только тревожнее. После завтрака он сел у окна и принялся читать письмо так, словно ничего не произошло. Ночной дождь закончился, но с листьев снаружи всё ещё капала вода. Время от времени сквозняк проникал в плохо закрытое окно и шевелил уголки бумаг на столе.

Мирелль сидела в другом конце комнаты, положив правую руку на колени. С утра она снова и снова, сама того не замечая, повторяла одно и то же движение: сжимала пальцы и разжимала их.

Она знала, что теперь с рукой всё в порядке. Но память никуда не делась. Дело было не в боли. Ужас заключался в

другом: ты знаешь, что тело принадлежит тебе, а потом оно вдруг перестаёт слушаться.

Теперь Мирелль наконец понимала лица мужчин у реки. Северин, похоже, не замечал. Или замечал, но ему было всё равно. Ближе к полудню издалека донёсся стук копыт. Мирелль сразу подняла голову. Северин всего лишь сложил письмо.

Во двор вскоре въехали двое — мужчина и женщина в простых серых плащах. Они даже не постучали. Один стащил с седла связанного пленника. Тот споткнулся, едва ноги коснулись земли. Лицо было покрыто синяками.

— Господин, — сказала женщина.

И больше ничего. Северин поднялся. Мирелль не пошла за ним во двор. Решила, что это её не касается — пока пленник не начал оправдываться.

— Я не сказал им, где это место.

Никто не ответил.

— Я только взял деньги. Клянусь, я не...

Слова оборвались криком. Рука Мирелль замерла на чашке. Следом раздался второй крик. Она встала.

Во дворе мужчина стоял на коленях в мокрой грязи, руки связаны за спиной. Северин находился перед ним. На его пальто не было ни пятнышка.

Он не допрашивал пленника. Во всяком случае, не так, как Мирелль представляла себе допрос. Не засыпал вопросами. Не кричал угроз.

Просто стоял, а рассказ мужчины становился всё более сбивчивым и отчаянным.

— Я сказал им только про южную дорогу. Клянусь. Про это место я ни слова не говорил. Клянусь, я не...

Северин шевельнул пальцем. Плечо пленника резко повернулось за спину. Приглушённо хрустнула кость. Мужчина едва не рухнул лицом в грязь.

Мирелль нахмурилась. Вмешиваться сразу не стала. Человек явно что-то совершил, а Северин явно привык разбираться с подобными делами. Что именно произошло между ними, она не знала.

Но когда вторая рука начала подниматься под тем же неестественным углом, Мирелль подошла к двери.

— Он уже сказал, где спрятал сообщения и сколько ему заплатили, — произнесла она. — Что ещё ты пытаешься выяснить?

Северин едва заметно потянул пальцы. Мужчина тяжело дышал, прижавшись лбом к грязи.

— Кто ещё получал деньги через тебя? — спросил Северин.

Голос был тихим. Пленник молчал. Чёрные нити натянулись.

— Подождите...

Он судорожно выдохнул три имени одно за другим. Женщина в сером тут же их записала. Мирелль решила, что на этом всё закончится. Северин не отпустил его.

Чёрные нити спустились по плечам мужчины, обвили талию, колени, щиколотки. Мирелль смотрела, как он поднимается. Ни одно движение не было добровольным. От боли он едва мог стоять, но ноги понемногу выпрямлялись, пока он не встал во весь рост.

Она вспомнила нож в собственной руке. Желудок болезненно сжался. Пленник тоже понял, что происходит. Он заплакал — не громко. Просто по щекам потекли слёзы.

— Пожалуйста.

Северин не обратил внимания. Женщина подвела лошадь. Пленник сам подошёл к ней, поставил ногу в стремя, забрался в седло и выпрямился. Живыми в нём оставались только глаза.

Мирелль стояла в дверях, ветер прижимал плащ к телу. Больше она не просила Северина остановиться. Уже поняла, что он может не послушать. Когда группа собралась уезжать, Мирелль тихо спросила женщину:

— Куда вы его везёте?

Та посмотрела на неё, но ничего не сказала. Северин уже направился обратно к дому. Мирелль повернулась за ним. Когда они поравнялись у двери, она остановилась.

— Вчера ты сказал, что убьёшь меня позже.

Его шаг замер. Мирелль посмотрела на пленника в седле.

— Я хочу знать, когда именно наступит это «позже».

Она не спрашивала, действительно ли он всё ещё собирается это сделать. Важнее было другое: может ли однажды он

превратить её в такое же существо. Северин проследил за её взглядом во двор. Через некоторое время сказал:

— Если больше не попытаешься сбежать, то вчерашние слова к тебе не относятся.

Мирелль посмотрела на него. Лицо ничего не выражало.

— Попытаешься ещё раз — и я не оставлю тебя стоять здесь и задавать вопросы.

Только это. Ни угрозы в голосе, ни попытки напугать. Именно поэтому было совершенно ясно: он говорит всерьёз. Лошадь увезла пленника между деревьями. Тот не обернулся.

Мирелль смотрела, пока он не исчез. И лишь намного позже заметила, что правая рука снова сжалась в кулак.

Глава 7

Той ночью Мирелль приснился алтарь.

Свет был таким ярким, что невозможно было открыть глаза. Она стояла на самой высокой точке главного святилища храма Аурелии. Вокруг, ярус за ярусом, золотыми линиями были начертаны контуры благословения. Внизу сидели сотни людей, и каждое лицо было обращено к ней.

За алтарём, на возвышении выше всех остальных мест, сидел незнакомый мужчина. Единственным знаком на его груди был замкнутый серебряный круг. Мирелль много раз стояла здесь. Но никто никогда не говорил ей, кому предназначено это место.

Она знала, когда поднять руку, когда склонить голову.

Знала даже точный слог молитвы, на котором маги, скрытые под алтарём, должны активировать первый контур. В тот день отличалось только одно — холод. Камень-проводник на её запястье не нагревался.

Обычно, когда по контуру начинала течь магия, первым Мирелль ощущала именно маленький камень в золотой щепочке — словно к коже прикослось крошечное пламя. Но тогда не было ничего. Она заметила это на третьей части молитвы. И не остановилась.

Святая не могла просто прервать публичную церемонию — особенно когда внизу сидела делегация Вейра.

Повернувшись, Мирелль лишь на мгновение взглянула на Верховного жреца. Он понял вопрос. Выражение его лица не изменилось. Только подбородок чуть опустился.

Продолжай.

Тогда Мирелль не придавала этому большого значения. Незначительные сбои случались и раньше. Настоящие маги ждали за алтарём и могли исправить всё, что не было серьёзной проблемой. Её задачей было сделать вид, будто ничего не произошло.

Поэтому она продолжила. Пятая часть. Шестая. Золотые линии под ногами зажглись. Верующие начали склонять головы. Представители Вейра поднялись согласно обряду.

Мирелль подняла руку. Камень оставался холодным. Что-то действительно было не так. Она замешкалась всего на полудара сердца — слишком мало, чтобы обычный наблюдатель

заметил. Но маг Арканного Круга у алтаря увидел.

И ничего не сделал. Мирелль пришлось продолжать. Когда последнее благословение сорвалось с её губ, все контуры под ногами вспыхнули одновременно. Не привычным мягким золотом.

Белым. Настолько ярким, что она едва не ослепла. Весь поток магии развернулся вспять. Мирелль так и не увидела, как это случилось. Только услышала взрыв.

Свет поглотил сектор, где сидела делегация Вейра. Разбилось стекло. Кто-то закричал. Ударная волна отбросила Мирелль к краю алтаря.

Когда зрение вернулось, первым она увидела кровь. Она покрывала белые каменные ступени. Кто-то лежал неподвижно. Другие пытались подняться. Стража Вейра уже обнажила мечи.

Правая рука Мирелль всё ещё была поднята. Все смотрели на неё. На одно страшное мгновение даже она сама забыла, что у неё вообще нет магии. Картина выглядела слишком убедительно.

Будто это действительно сделала она.

— Ваше Святейшество.

Двое храмовых стражников поднялись к алтарю. Голоса оставались почтительными, но руки сразу сомкнулись на её предплечьях.

— Пожалуйста, пройдёмте с нами.

Мирелль посмотрела вниз, на раненых.

— Сначала пришлите целителей.

— Ими уже занимаются.

— Контур дал сбой.

Никто не ответил.

Её увели от алтаря. Пока Мирелль шла по боковому коридору, сзади всё ещё доносился хаос. Кто-то выкрикнул имя короля Орена. Кто-то приказал Арканному Кругу запечатать святилище.

Никто не спросил, что она видела. Никто не спросил, почувствовала ли она что-то неладное. Её вернули в комнату и закрыли дверь. Наступила тишина.

Мирелль долго ждала. Никто не пришёл. Потом снаружи едва слышно скользнул металл. Дверь заперли с другой стороны.

Звук был совсем тихим. Но именно тогда Мирелль поняла: комната, в которой она жила годами, может стать тюрьмой. Она проснулась. За окнами всё ещё была ночь.

Мирелль лежала неподвижно, пока не вспомнила, что больше не в храме. За дверью прошли шаги. Один. Другой.

Слишком ровные. Слишком деревянные. Мирелль села. Она знала, кто это.

Тот мужчина, которым Северин управлял днём, ходил за стеной. Почему его ещё не увезли, может ли он спать или хотя бы остановиться — Мирелль не знала. Шаги прошли мимо двери и медленно затихли. Она снова легла, но больше не заснула.

Храм никогда не управлял её руками и ногами чёрными нитями. Его люди почти никогда даже не прикасались к ней. Они выбирали её одежду, её пути, её слова и её будущее. Просто оформляли всё красивее.

Мирелль понадобились годы, чтобы понять, что именно они делают. Северин, по крайней мере, был прямолинеен. Он ни разу не пытался назвать это защитой.

Глава 8

После двух ночей на дорожной станции они снова отправились в путь. Северин не сказал, куда. Мирелль больше не спрашивала. Она понемногу привыкала к его молчанию. Сначала оно выводило из равновесия. Ей хотелось вытянуть из него каждую подробность о дороге впереди.

Потом она поняла: Северин просто не считает большинство вещей достойными объяснений. Он идёт. Она может идти следом — или принять последствия отказа. Ужасно раздражающий способ путешествовать с кем-то. Зато бессмысленных разговоров было значительно меньше.

На третий день после полудня они вошли в горный городок. Узкие улицы, высокие здания, на многих окнах — тёмные занавеси. Люди выглядели совершенно обычно. Но стоило появиться Северину, как атмосфера менялась.

Никто не таращился в открытую. И всё же люди почему-то успевали уступить ему дорогу ещё до того, как он подходил близко. Мирелль быстро это заметила. Следуя за ним, она впервые всерьёз задумалась, кто этот человек.

Они вошли в таверну без вывески. Внутри было шумно. Кто-то пил, кто-то играл в карты, в углах обменивались кожаными мешочками, содержимое которых Мирелль не могла разглядеть. Когда Северин переступил порог, шум не оборвался сразу — начал медленно стихать.

Словно вода уходила из сосуда. Мужчина у входа тут же снял сапоги со спинки стула. Другой поднялся и освободил проход.

Никто не произнёс имя Северина. Никто не спросил, зачем он пришёл. Наверху уже была приготовлена комната. А на кровати для Мирелль лежало новое платье.

Она некоторое время стояла в дверях и смотрела на платье, идеально сидевшее по фигуре. Спрашивать, откуда они знали её размер, Мирелль не стала. Ответ только заставил бы её чувствовать себя ещё хуже. Днём, когда она сидела у окна и завязывала недавно купленную ленту, снизу раздался крик.

Короткий. Руки Мирелль замерли. Второй крик прозвучал гораздо позже. На этот раз она опустила ленту, но выходить из комнаты сразу не стала.

Вниз Мирелль спустилась только ближе к темноте.

Таверна уже жила обычной жизнью. Люди пили, обсуждали дела. У стены сидел мужчина, придерживая колено одной рукой. Три пальца на другой явно были сломаны.

Мирелль посмотрела на него. Он тут же отвёл глаза. На другой стороне комнаты Северин стоял рядом с одной из

женщин в сером. Точнее, женщина говорила, а Северин слушал.

Через некоторое время он один раз кивнул. Вопрос был закрыт. И Мирелль внезапно поняла: эти люди боятся его не только из-за способности управлять марионетками. Есть что-то ещё.

Власть куда более неприятного рода. Той ночью, когда она пошла за водой, в конце коридора разговаривали двое мужчин. Один понизил голос.

— Если об этом узнает Кукловод...

Второй тут же оборвал его.

— Продолжай говорить, если жить надоело.

Мирелль замедлила шаг. Кукловод. Впервые услышав этот титул, она почти удивилась: слово звучало как прозвище мастера, создающего изысканные игрушки.

По лицам мужчин было понятно: ничего безобидного за словом не скрывается. Вернувшись в комнату, Мирелль увидела Северина за столом. Он изучал карту. Она задержалась у двери.

Она почти спросила, знает ли он Кукловода, но в конце концов промолчала. Мирелль всё сильнее подозревала, что за этим вопросом скрывается нечто, к чему ей лучше не приближаться.

Глава 9

О том, что её отправят в Вейр, Мирелль узнала через три дня после происшествия.

Все эти три дня никто по-настоящему не обращался с ней как со Святой. Еду приносили как обычно. Одежду раскладывали. Каждое утро кто-то даже менял цветы в комнате.

Дверь оставалась запертой. Мирелль снова и снова спрашивала, что происходит снаружи, и получала только короткие ответы. Двое членов делегации Вейра погибли. Ещё несколько тяжело ранены. Сам Орен Халверн серьёзно не пострадал.

Шли переговоры. На третий день после полудня наконец пришёл Верховный жрец. Не один. С ним были два старших мага Арканного Круга и королевский советник.

Мирелль сидела у окна. Стоило ей увидеть всех четверых вместе, и стало ясно: объяснять аварию они не пришли. Но она всё равно спросила.

— Что вы выяснили? — Рука лежала на краю стола. — Не говорите, что расследование ещё идёт. Я хочу знать, что случилось.

Никто не ответил сразу. Мирелль посмотрела на одного из магов. Он отвечал за контуры, использовавшиеся в самых крупных храмовых церемониях. В день катастрофы он находился за алтарём.

— Ошибка была в самом контуре или в тех, кто им управлял?

Маг отвёл глаза. Королевский советник сказал, что техническая причина сейчас не самое срочное. Мирелль сразу поняла главное. Если бы они действительно собирались вы-

яснять причину, все четверо не пришли бы вместе.

— Сегодня утром Вейр выставил новые условия, — сказал советник.

Дальше он говорил долго.

Граница. Армии. Возмещение ущерба. Возможные последствия провала переговоров.

Мирелль не перебивала. Когда он закончил, она спросила:

— Чего они хотят теперь?

В комнате стало тихо. Ответил Верховный жрец.

— Вас.

Мирелль посмотрела на него. Само по себе слово ничего не значило. Святую вполне могли отправить в другое королевство. Но по лицам было видно: всё не так просто.

— В каком качестве?

Верховный жрец не ответил. Под рёбрами разлился холод. Наконец королевский советник подобрал максимально официальный и бесстрастный оборот. Король Орен готов принять её в свой гарем.

Мирелль понадобилось несколько секунд, чтобы перевести эту фразу на человеческий язык. Наложница. Она посмотрела на четырёх людей перед собой. Никто не вёл себя так, будто у неё что-то спрашивают.

Её ставили в известность. Это ощущение Мирелль знала слишком хорошо. Так было, когда в детстве её выбрали Святой. Так было перед первым публичным появлением.

Так было перед каждой важной церемонией после. Только

на этот раз за неё решили нечто куда более серьёзное.

— Вы уже согласились от моего имени.

Никто не ответил. Никто не отрицал. Ей больше не нужно было смотреть на бумаги на столе. Мирелль захотелось рассмеяться.

Не потому, что было смешно. Потому что всё происходящее было абсурдно. Советник начал объяснять, что это самый безопасный выход. Орен не потребовал публичного суда и казни. Если Мирелль поедет в Вейр, дипломатический кризис может закончиться.

Она некоторое время слушала. Затем подавила поднимающееся внутри чувство и спросила:

— А что с контуром? Вы собираетесь сделать вид, что он никогда не давал сбой?

Один из жрецов потянулся перевернуть страницу и остановился.

— Мы обсуждаем Вейр, — нахмурился он.

— Это один и тот же вопрос, — перебила Мирелль. — Вы используете поступок, на который я физически не способна, как предлог отправить меня в другое королевство.

Она посмотрела на магов Арканного Круга.

— Вы оба знаете, что у меня нет магии. Я не разрушала этот контур. Я не могла заставить его выйти из-под контроля.

Никто не возразил. Никто не признал, что она права. И Мирелль поняла: они знали правду.

Просто не могли её произнести. Если бы они признали,

что у неё нет магии, пришлось бы объяснить, кто совершал каждое чудо, приписанное ей. Это было куда неудобнее, чем пожертвовать ею. Мирелль встала.

— Уходите.

Верховный жрец нахмурился. Наверное, впервые в жизни она говорила с ним таким тоном. Мирелль повторила:

— Уходите.

В конце концов они ушли. Дверь снова заперлась за ними. На столе остался план поездки.

Дата. Маршрут. Количество сопровождающих стражников. Даже дворец, в котором она будет жить после прибытия в Вейр.

Всё уже решено. Мирелль села и прочла документ от начала до конца. Затем совершенно спокойно разорвала его. С первого раза не получилось. Бумага была слишком плотной.

Она перехватила лист и дёрнула снова. Теперь тот распался пополам. В тот день Мирелль решила бежать. Не потому, что у неё был план.

Плана не было совсем. Она просто считала: каким бы ужасным ни оказался внешний мир, она хотя бы должна увидеть его собственными глазами.

Глава 10

Рано утром следующего дня Северин приказал привести во двор лошадь. Мирелль почти не обратила внимания — пока не увидела, что закреплено на седле. Серый плащ. Тот самый, который был на ней после побега из храма.

Рядом — бледно-золотая лента для волос. Тоже её. Мирелль подошла ближе. У лошади стоял мужчина, которым Северин управлял несколько дней назад. Одно плечо всё ещё было перекошено, цвет лица плохой.

Но он был жив. Чёрные нити тянулись от пальцев Северина к его конечностям. Мирелль не спросила, что они собираются делать. Очень скоро поняла сама.

Кто-то накинул плащ на плечи мужчины и привязал ленту позади седла. Издалека любой, увидев всадника в плаще, сначала бросится в погоню и только потом попробует разглядеть лицо. Мужчина легко сел в седло. Мирелль знала: движение не его.

Она подошла к лошади. Глаза пленника на мгновение метнулись к ней. Всего на мгновение. Он всё ещё был в сознании.

Мирелль отвернулась. Вскоре лошадь унесла его на юг. Только когда он исчез, Северин повернулся к своему коню. Мирелль осталась во дворе.

— Он умрёт?

Северин не остановился. Она не спросила снова. Ответ был почти неважен. Жить ему или умереть — теперь решал не он.

Вот что было хуже всего. Они поехали на север. В полдень, пересекая горную дорогу, увидели отряд вейрской кавалерии, быстро двигавшийся по соседней тропе. Мирелль ниже натянула капюшон. Когда копыта приблизились, вся

спина напряглась.

Всадники не остановились. Один говорил товарищу:

— Её видели на юге.

— Точно?

— И плащ, и лента совпадают.

Голоса быстро стихли вдали. Только когда они исчезли, Мирелль ослабила пальцы на поводьях. Она посмотрела на Северина впереди. Он ни разу не обернулся.

Мирелль поняла: только что целый кавалерийский отряд проехал мимо неё из-за марионетки, отправленной на юг. Она должна быть благодарна? У пленника не было выбора. Впервые Мирелль столкнулась с тем, что не могла однозначно назвать спасением или жестокостью.

После полудня они добрались до другой подземной станции. Вход скрывался под старым складом. Стражник отошёл в сторону сразу, как увидел Северина.

— Господин.

Мирелль последовала за ним вниз.

Место оказалось гораздо больше, чем она ожидала. Коридоры расходились в разные стороны. Вдоль стен — склады, конюшни, запертые помещения. Рабочие с ящиками уступали дорогу, едва Северин приближался.

С каждым шагом происходящее казалось страннее. Обычному кукольнику так не подчиняются. Когда они свернули за угол, кто-то позади пробормотал что-то себе под нос. Мирелль услышала только последние слова.

— ...если Кукловод узнает, нам конец.

Она инстинктивно обернулась. Говоривший уже замолчал. Северин продолжал идти так, словно ничего не слышал. Мирелль последовала за ним.

Через некоторое время она посмотрела на его руки. Чёрные перчатки. Длинные изящные пальцы. Нити, заставляющие мертвецов ходить и отнимающие у живых право владеть собственным телом.

Она ничего не спросила. Впервые Мирелль мысленно поставила рядом имя «Северин» и титул «Кукловод» — и на несколько секунд допустила, что речь может идти об одном человеке. Потом отбросила эту мысль. Если Кукловод и правда настолько ужасен, как говорят все вокруг, разве может им быть этот тихий мужчина, идущий впереди неё?

Глава 11

Вскоре Мирелль поняла: люди на подземной станции относятся к Северину не как к обычному начальнику. Скорее, никто не смел заставить его повторять один и тот же вопрос дважды. Сначала ей казалось, что при нём все просто становятся необычно тихими. Через два дня она начала чувствовать разницу.

Каждое утро кто-нибудь приносил в его комнату тщательно разложенную корреспонденцию. Другие по полчаса ждали у двери лишь ради того, чтобы Северин мельком просмотрел одну-единственную страницу. Однажды двое мужчин так яростно спорили в коридоре, что оба покраснели.

Стоило Северину появиться в дальнем конце, и они мгновенно умолкли.

Ему даже не пришлось ничего говорить.

В тот день Мирелль ела в общем зале. Она уже перестала ждать, что кто-то будет её обслуживать. Если еду оставляли на столе, она накладывала себе сама. Когда нужна была вода, шла на кухню в дальнем конце помещения.

Ничего трудного в этом не было. Станным было другое: раньше ей просто не давали возможности понять, что она и сама со всем справляется. Во время еды в зал привели мужчину. Сначала Мирелль почти не обратила внимания. Услышала только скрип отодвинутого стула.

Когда подняла глаза, мужчина уже стоял перед длинным столом. Лицо было бледным, но одежда оставалась аккуратной. Он совсем не выглядел как человек, которого сюда притащили силой. На противоположном конце стола сидел Северин. Перед ним лежала толстая бухгалтерская книга.

— Господин, выслушайте меня.

Стоило мужчине заговорить, разговоры вокруг стихли. Северин перевернул страницу. Мужчина заметно напрягся.

— Я не крал товар. Восточную дорогу закрыли без предупреждения. Я перенёс часть груза, потому что боялся, что мы потеряем всё. Да, я взял деньги со счёта, но собирался вернуть.

Северин даже не посмотрел на него.

— Сколько не хватает?

— Триста семьдесят.

Северин поднял глаза. Мужчина поспешно добавил:

— Золотых. Я ни одной монеты не потратил на себя. Все записи сохранились. Я могу всё вернуть.

Мирелль едва не подавилась водой. Она всё ещё плохо представляла цены обычных вещей, но уже понимала: триста семьдесят золотых — совсем не то же самое, что несколько монет за лепёшку. Северин ещё немного изучал книгу. Мужчина становился всё отчаяннее.

— Я работаю на вас семь лет. Сколько раз я первым вставал между этим местом и катастрофой? Нельзя судить обо всём по одной книге...

Северин поднял руку. Не магия. Просто жест: хватит. Мужчина послушался.

Через мгновение Северин закрыл книгу.

— Отведите его вниз. Книгу тоже.

Никто не колебался. Двое людей в сером сразу подошли вперёд. Только теперь мужчина запаниковал.

— Подождите, Северин.

Северин не остановился. Его люди тоже.

— Я верну всё. Дайте месяц, и я восстановлю сумму.

Его схватили за руки.

— Две недели, — быстро сказал он. — Десять дней. Только не уводите меня сейчас.

Северин уже взял другое письмо. Пленник смотрел на него. Голос стал тише.

— Моя дочь ждёт меня в южном городе. Она ничего об этом не знает.

Рука Северина замерла на полпути, когда он разворачивал письмо. Мирелль посмотрела на него. Мужчина тут же ухватился за эту паузу.

— Ей девять. Со мной делайте что хотите, только её не трогайте.

Северин поднял взгляд. Никто не мог понять, о чём он думает. Через несколько секунд он сказал:

— Она не брала мои деньги и не трогала груз. К ней никто не подойдёт.

Лицо мужчины застыло. Будто только теперь он до конца понял, что именно означает это обещание.

— А я?

Северин уже снова смотрел в письмо. Люди в сером увели мужчину. Мирелль ещё некоторое время смотрела на дверь. На мгновение ей показалось, что обещание не трогать ребёнка означает и отцу позволят жить.

Вечером она снова увидела его в одном из нижних коридоров. Он переносил ящики. Ни цепей, ни охраны. Но двигался неправильно.

Мужчина прошёл мимо Мирелль с большим деревянным коробом в руках. Его глаза совершенно явно скользнули в её сторону, хотя шаг не сбился. Мирелль остановилась. В этих глазах было слишком многое.

Стыд. Страх. Та беспомощность, которую она уже видела

не раз. Её взгляд опустился к его запястью.

Тонкие чёрные нити исчезали под рукавом. Его не простили. Просто пока не было необходимости убивать. Когда Мирелль вернулась наверх, Северин всё ещё читал.

Она собиралась что-то сказать, но остановилась у двери. Он поднял глаза.

— Когда ты сказал, что его дочь никто не тронет, ты правда это имел в виду?

Северин некоторое время смотрел на неё.

— Она не имеет отношения к счёту.

Мирелль кивнула. О судьбе отца спрашивать не стала. Ответ был достаточно ясен. Северин не простит мужчину только потому, что его ребёнок вызывает жалость. Но если сказал, что девочке ничего не сделают, значит, так и будет.

Не доброта. Правило. Возможно, Северин всё-таки не был человеком без принципов. Просто его принципы подчинялись логике, совсем не похожей на ту, которую знала Мирелль.

Глава 12

Шпиона из Вейра привезли до рассвета. Мирелль спала чутко. На подземной станции не было настоящих окон, а ночью комнаты становились настолько неестественно тихими, что она слышала почти каждое движение в коридоре. Её разбудили быстрые шаги. Вскоре кто-то негромко произнёс слово «Вейр».

Сразу из комнаты Мирелль не вышла. Суэта снаружи про-

должалась до рассвета, и только тогда она накинула халат и появилась в коридоре. Допрос проходил не в темнице. В обычной комнате, дверь которой была приоткрыта.

На стуле сидел молодой мужчина. Его руки даже не были связаны. Он выглядел измотанным, на виске — ссадина, одежда в грязи. Напротив сидел Северин.

Между ними стояла чашка воды. Пленник к ней не приоткрылся.

— Я только доставлял письма. Никогда не вскрывал печати.

Голос хрипел. Северин не шевельнулся.

— Мне никогда не говорят, что там на самом деле. Вам нужен тот, кто пишет эти письма, а не я.

Мирелль осталась за дверью. Она не вполне верила ему. Для обычного курьера мужчина держался слишком спокойно. По крайней мере, вначале.

Северин протянул руку. В тот же миг, как появились чёрные нити, всё спокойствие мужчины исчезло. Он ещё не успел отшатнуться, а правая рука уже сама нырнула за пазуху.

— Не отправляйте меня обратно к ним.

Голос изменился. Рука продолжала двигаться. Сначала достала серебряный знак. Потом листок, сложенный в крошечный квадрат. В конце пальцы вытащили тонкую иглу из тайного отделения в поясе.

Люди Северина собрали всё. Мирелль узнала знак. Внут-

ренный двор Вейра. Этот человек не служил обычной армии. Он работал непосредственно на королевскую семью.

Шпион закрыл глаза, словно притворяться больше не имело смысла.

— Тогда просто убейте меня сейчас, — с трудом произнёс он. — Только не заставляйте идти в допросные Вейра в сознании.

Северин ничего не ответил. Мужчина посмотрел на него. — Я всё расскажу. Имена, маршруты, места встреч. Всё.

Затем повернул голову и заметил Мирелль у двери. Их взгляды встретились. Она не отвернулась. Несколько секунд он смотрел, пока узнавание постепенно проступало на лице.

— Значит, ты и правда здесь.

Северин сразу насторожился. Шпион коротко и мрачно усмехнулся.

— Теперь понятно, почему они перевернули все южные дороги и всё равно тебя не нашли.

Мирелль нахмурилась.

— Почему вы так отчаянно пытаетесь меня вернуть? На что собираетесь меня обменять?

Северин не заставил её замолчать. Шпион стиснул зубы и отвернул лицо. Его глаза метнулись к нитям в руке Северина, и выражение стало ещё хуже.

— Не отправляйте меня назад. Я знаю, что они делают с теми, кто провалился.

Мирелль посмотрела на Северина. Просьба прозвучала

так внезапно, что смысл дошёл не сразу.

— Ты собираешься вернуть его в Вейр?

Северин не ответил. Лицо шпиона ответило за него.

— Им достаточно внимательно на него посмотреть, и они поймут, что что-то не так, — сказала Мирелль.

— Они увидят то, что ожидают увидеть, — ответил Северин.

Мужчина закрыл глаза. Этот ответ, похоже, напугал его сильнее смерти.

— Что он будет делать после возвращения? — спросила Мирелль.

Северин проигнорировал её. Ответил один из сопровождающих в сером.

— Доставлять сообщения. Встречаться с теми же людьми. Разница только в том, что теперь он не будет работать на Вейр.

Мирелль повернулась к нему.

— Он вернётся так, будто ничего не произошло?

Тот взглянул на Северина и замолчал. Мирелль поняла. Шпион вернётся к людям, которые его знают. Будет есть, разговаривать, носить письма, возможно, даже навещать семью.

Все будут уверены, что это всё тот же человек. И только он сам будет знать правду. Перед тем как его увели, мужчина внезапно остановился. Не по собственной воле.

Его остановили нити. Северин подошёл и снял с воротника ничем не примечательную пуговицу. Разломил её. Внутри

был спрятан ещё один листок.

Шпион побелел. Северин прочёл записку и передал её одному из людей. Не унизил пленника. Не назвал дураком.

Просто развернулся и ушёл. Мирелль отступила, пропуская его. И именно в этот момент он показался ей страшнее, чем при первой встрече. Смерть у реки была быстрой.

Это — нет.

Глава 13

Дверь не была заперта. Во всяком случае, открылась, когда Мирелль толкнула её. Она всего лишь искала лекарство. После вчерашней езды правая щиколотка снова начала ныть. В лазарете никого не оказалось, а Мирелль помнила, как кто-то брал флаконы в дальнем конце коридора.

Глубокие проходы подземной станции были похожи один на другой: серый камень, одинаковые повороты, всё тот же тусклый свет. Мирелль свернула не туда один раз. Потом второй. Наконец увидела полуоткрытую дверь, за которой горел свет. Решила, что это ещё один склад.

Даже войдя внутрь, сначала не заметила ничего необычного. Комната была просторной и чистой. Вдоль стен стояли несколько человек. Мирелль приняла их за стражу.

Она вошла. Никто не посмотрел на неё. Только подойдя ближе, Мирелль увидела: у первого мужчины закрыты глаза. У второго тоже.

Третья фигура человеком не была. Женщина-фэйри стояла с серебристо-серыми волосами до талии и почти прозрач-

ной бледной кожей. Спина идеально прямая, руки естественно опущены вдоль тела. Рядом — мужчина из зверолодей.

Дальше, у стены, лежал огромный магический зверь. В комнате было слишком тихо. Сначала Мирелль даже не слышала дыхания. Она остановилась.

И тут женщина-фэйри открыла глаза. Мирелль застыла. Глаза были живыми. Не пустой взгляд марионетки.

Женщина видела её. Зрачки даже сузились. Мирелль подошла ближе.

— Вы меня слышите, правда?

Женщина не шевельнулась. Мирелль удерживала её взгляд.

— Моргните один раз, если можете. Медленно. Не заставляйте себя.

Прошло много времени. Затем женщина моргнула. По спине Мирелль разлился холод. Она сделала ещё шаг.

— Пока не пытайтесь говорить. — Мирелль посмотрела на руку, висевшую вдоль тела. — Пальцами можете пошевелить?

Не дрогнул даже кончик пальца.

— Ни одним?

Ничего. Мирелль увидела слабые чёрные отметины на шее женщины. Они напоминали нити Северина, только больше не висели в воздухе. Будто ушли внутрь тела.

За спиной слышались шаги. Оборачиваться не требовалось. Северин остановился в дверях. Мирелль продолжала

смотреть на женщину-фэйри.

— Она всё это время в сознании? — Наконец Мирелль повернулась к нему. — С самого дня, когда ты привёл её сюда?

Северин посмотрел на женщину. Отрицать не стал. На лице не было ни злости от того, что Мирелль вошла в тайную комнату, ни удивления. Будто он всегда знал, что рано или поздно она её увидит.

Мирелль указала за спину.

— Со всеми здесь это сделал ты?

— Да.

Она ждала.

— Зачем держать их такими?

— Мёртвые не отвечают на вопросы. Живые отвечают.

Мирелль сама не знала, какого объяснения ждала. Враги. Преступники. Предатели.

Ни одна причина не могла сделать эту комнату нормальной. Она встала рядом с женщиной-фэйри.

— Что сделала она? — спросила Мирелль. — Хотя бы скажи, почему она здесь.

Взгляд Северина остановился на чёрных отметинах у её горла.

— Продала один из входов Андервейла.

Мирелль посмотрела на него.

— И поэтому ты оставил её в сознании, чтобы она наблюдала, как собственное тело перестаёт ей принадлежать?

Он ничего не ответил. Внутри Мирелль поднялась злость.
— Она всё ещё жива.

Северин перевёл взгляд на женщину.

— То, что она жива, ещё не делает это жизнью.

Его спокойствие болезненно стянуло что-то в груди Мирелль.

— Она нас слышит. Она всё чувствует, да?

На этот раз Северин встретился с ней глазами.

— Да.

Больше Мирелль ничего не требовалось. Она посмотрела на женщину. Хотела ли та помощи? Мирелль не знала.

Возможно, она уже давно перестала ждать, что кто-нибудь поможет. В конце концов Мирелль ничего не сделала. Не потому, что не хотела. Потому что не могла.

Она вышла из комнаты. Северин отступил в сторону, пропуская её. Через несколько шагов по коридору Мирелль остановилась.

— Раньше я тебя боялась. — Она оглянулась. — Теперь начинаю ненавидеть.

Северин смотрел без всякого выражения. Мирелль ответа не ждала. На ужин она не спустилась. Кто-то оставил поднос в комнате, но почти ничего съедено не было.

Всю ночь Мирелль вспоминала глаза той женщины. Сознание есть. Сделать ничего нельзя. Мирелль впервые задумалась: уведя её от одной опасности, Северин действительно спас её — или просто обменял прежнюю угрозу на что-

то более медленное?

Глава 14

Два дня на станции было спокойно. На третье утро начались неприятности. Тревогу никто не поднял. Возможно, этим людям она не требовалась.

Мирелль проснулась от шагов в коридоре. Открыла дверь — все собирались. Без паники. Быстро и молча, как люди, которые не раз это отрабатывали.

Она пошла за ними в главный зал. Северин стоял у стола и изучал карту. Напротив него, тяжело дыша, находился мужчина в сером.

— Они нашли восточный вход. — Тот подтолкнул карту к Северину. — Это не обычный патруль. У них есть инструменты для разрушения защитных барьеров, и за ними, скорее всего, идут ещё люди.

Северин поднял глаза.

— Сколько?

— Пока больше двадцати. Если будем ждать, станет только больше.

— Третий уровень эвакуирован?

Мужчина сглотнул.

— Не успели. Внутри осталось шестеро.

Несколько человек рядом обменялись взглядами. Северин посмотрел на карту.

— Запечатать восточный вход.

Мужчина не сразу двинулся. Мирелль заметила, как сжа-

лась его рука.

— Если запечатать, у них не останется другого выхода.

Северин посмотрел на него. Всего один раз. Мужчина закрыл рот.

— Понял. Я распоряжусь.

Он уже повернулся, когда Мирелль остановила его.

— Подождите.

На этот раз его остановил её голос, а не Северин. Мирелль повернулась к Северину.

— Там всё ещё шестеро людей.

Он уже складывал документы со стола в кожаную сумку.

— Я знаю. Если будем ждать, нападающие проникнут через третий уровень.

Говорил так, словно шесть жизней были цифрами в расчёте, который он уже закончил.

— Значит, ты жертвуешь ими, чтобы спасти остальных?

— Я не обмениваю их жизни. — Северин сложил карту.

— Их невозможно спасти.

Мирелль подошла ближе.

— Ты не можешь дать им ещё немного времени?

На этот раз он посмотрел на неё.

— Времени нет.

Решение уже принято. Это не обсуждение. Мирелль взглянула на мужчину в сером. Лицо было осунувшимся, но он больше не просил.

Возможно, среди тех шестерых были его друзья. Люди, ко-

торых он знал годами. Больше никто не осмелился ничего сказать. Эвакуация прошла быстро.

Через пятнадцать минут они уже покидали долину другим проходом. Мирелль ехала вместе с остальными и снова и снова оглядывалась. Деревья скрывали скалу, где находился вход. Она не видела, что происходит внутри.

Не видела тех шестерых. Когда они отъехали достаточно далеко, по горам прокатился глухой взрыв. Лошади шарахнулись. Мирелль обернулась.

Между далёкими склонами поднялась пыль. Вход уничтожили. Никто не остановился. Даже мужчина, принёсший предупреждение, лишь опустил голову и поехал дальше.

Северин оставался впереди. Он ни разу не оглянулся. Той ночью они разбили лагерь в лесу. О шестерых никто не говорил.

Одни разводили огонь. Другие делили еду. Несколько человек даже тихо разговаривали и смеялись неподалёку. Мирелль сидела под деревом и долго не ела.

Когда мимо прошёл Северин, она подняла голову.

— Как долго они были с тобой?

Он остановился. Уточнять, о ком речь, не требовалось.

— Двое — семь лет.

Мирелль не ожидала ответа.

— Ты знал их. И всё равно отдал приказ.

— Именно потому, что знал, я не мог позволить врагам использовать их, чтобы найти это место.

Мирелль посмотрела в огонь. После долгой тишины спросила:

— А если бы там оказалась я?

Северин посмотрел на неё. Его пальцы медленно сжались у бока. Он не ответил. В конце концов развернулся и ушёл.

Это молчание не казалось равнодушием. Скорее отказом принять самую возможность. Но Мирелль пока не знала, что он выберет, если такой день всё-таки настанет: её или всех, кого обязан защищать. Если она окажется на пути у того, что ему необходимо сохранить, возможно, он примет то же решение.

Станным образом эта мысль показалась ей честной. По крайней мере, Северин ни разу не солгал, будто она уже стала исключением.

Глава 15

Они перебрались в убежище поменьше. Сверху находился обычный склад. Внизу — всего несколько комнат, ни одна не предназначалась для долгого проживания. Именно там Мирелль впервые услышала, как кто-то потребовал встречи с Кукловодом.

Посетителем оказался хорошо одетый мужчина средних лет в сопровождении двух охранников. Они принесли сундук настолько тяжёлый, что поднимать его пришлось вдвоём. Когда крышку открыли, Мирелль увидела золото. Она сидела неподалёку с книгой. К этому времени уже поняла, что не при каждом посетителе ей нужно прятаться в комнате.

Мужчина начал вежливо.

— Я хочу увидеть Кукловода.

Стражник у двери даже не взглянул на сундук.

— Он вас не примет.

Лицо посетителя напряглось.

— Заплачу вдвое больше.

Северин не поднял глаз.

— Мне нужно лишь, чтобы он разобрался с одним человеком.

Пальцы Мирелль замерли на краю страницы. «Разобрался с человеком». Эта фраза ей уже не нравилась. Посетитель подождал, затем начал терять терпение.

— Я знаю, что он где-то в этом регионе.

Стражник посмотрел на него. Что бы мужчина ни соби-
рался сказать дальше, он проглотил слова. Сундук закрыли
и унесли. Мирелль наблюдала, как захлопнулась дверь.

Намного позже она спросила женщину, сортировавшую
рядом травы:

— Даже столько золота недостаточно, чтобы нанять Кук-
ловода?

Руки женщины замерли. Она повернулась. Мирелль спро-
сила лишь из любопытства, но лицо собеседницы измени-
лось.

— Не задавай таких вопросов.

— Я всего лишь хочу знать, насколько дорого он стоит.

Женщина снова занялась травами и понизила голос.

— Тем, кто узнаёт цену, обычно сначала приходится отдавать что-нибудь ещё.

Мирелль посмотрела через комнату. Северин, прислонившись к окну, изучал карту. В разговор он не вмешивался и ни разу не поднял голову. Мирелль вспомнила комнату с марионетками. Чёрные нити у реки.

Слово снова всплыло в памяти. Кукловод. Она начинала понимать, почему это имя пугает людей. Просто ещё не связала его окончательно с мужчиной перед собой.

После полудня кто-то принёс кристалл связи и попросил Мирелль отнести его в другую комнату.

— Зажги один раз, — небрежно сказал посыльный. — Проверь, не повреждён ли.

Мирелль держала кристалл, не двигаясь. Он ждал.

— Почему не проверяешь?

Она опустила взгляд на прозрачный камень.

— Лучше сделай сам. Я не могу им пользоваться.

Мужчина выглядел озадаченным. Решив, что Мирелль просто не умеет, он терпеливо объяснил:

— Тут нечему учиться. Влей немного магии, и он загорится сам.

— Я знаю, как он работает.

— Тогда в чём проблема?

Пальцы Мирелль сомкнулись вокруг кристалла. Раньше ей не приходилось справляться с подобным самостоятельно. В храме всё, что было связано с магией, кто-нибудь подго-

тавливал заранее, прежде чем передать ей. Мужчина всё ещё ждал.

— У меня нет магии.

Он уставился на неё.

— Что?

— Совсем.

Люди поблизости замолчали. Мирелль тут же пожалела, что произнесла это вслух. Посыльный явно решил, что ослышался.

— Но разве вы не Святая храма?

Мирелль вложила кристалл ему в ладонь.

— Именно поэтому тебе лучше перестать спрашивать.

Она почувствовала ещё один взгляд. Северин поднял голову. Он отложил карту и подошёл. Мирелль не отступила. Скрывать всё равно уже бессмысленно.

Северин взял кристалл. Стоило пальцам коснуться его, внутри вспыхнул бледно-голубой свет. Он посмотрел на камень, затем на Мирелль. Она понимала: ждёт объяснения.

— Дело не в том, что меня не учили, — сказала она. — Я действительно не могу сотворить ни одного заклинания.

Северин молчал несколько секунд.

— Ни разу?

— Никогда.

Он продолжал смотреть. Не рассмеялся. Не изобразил театрального недоверия. Даже не спросил, каким образом женщина без магии стала Святой.

Просто смотрел дольше обычного. От этого Мирелль стало ещё неуютнее.

— Можешь смеяться. — Она отвернула лицо. — Это абсурдно.

Северин положил кристалл на стол.

— Тут нечего считать смешным.

И ушёл. Мирелль осталась стоять. Почему-то ответ её удивил. Никто вокруг больше не осмелился задавать вопросы.

Северин не упоминал отсутствие у неё магии до конца дня. И вечером тоже. Когда Мирелль уже собиралась вернуться в комнату, она прошла мимо стола и увидела, что он читает старое объявление с гербом храма Аурелии. На нём был её портрет.

Нарисованная Святая стояла в золотом сиянии, над ладонью светилось чудо. Мирелль остановилась. Северин поднял глаза. Они смотрели друг на друга через стол.

Она знала, о чём он думает. Весь Солмер верит, что эта женщина обладает божественной силой. А настоящая женщина стоит перед ним и не способна зажечь даже обычный кристалл связи. Мирелль ничего не объяснила.

Потянулась через стол и перевернула объявление изображением вниз. Она не хотела видеть собственное лицо. Северин не стал мешать. По дороге в комнату Мирелль поняла: теперь у него появилась ещё одна причина держать её при себе.

Она уже не просто Святая, сбежавшая от Вейра. Она —

тайна, которой не должно существовать.

Глава 16

На складе они провели всего одну ночь. На рассвете снова отправились в путь. Мирелль предполагала, что Северин отвезёт её в очередное убежище, спрятанное под горой или под землёй. Но ближе к полудню в конце дороги показались городские стены.

На этот раз всё было иначе. Город оказался огромным. Перед воротами тянулась длинная очередь: торговые повозки, пассажирские кареты, пешие путешественники. По обе стороны стражники осматривали грузы.

Мирелль смотрела из седла, испытывая странное чувство узнавания. Она уже бывала здесь. Три года назад, во время весеннего паломничества храма Аурелии, Мирелль проезжала через эти самые ворота под приветственные крики тысяч людей. Главный проспект закрыли за день. Повсюду висели золотые и белые знамёна. Она сидела в нелепо роскошной карете, окружённой двенадцатью храмовыми стражниками.

Она помнила цветы. Но не помнила шума за воротами. Торговцы спорили о пошлинах. Ребёнок гонялся за курицей, вырвавшейся из корзины. Продавец фруктов уснул прямо на собственных ящиках.

Северин уже двинулся вперёд. Мирелль последовала за ним. Документы явно были подготовлены заранее. Стражник бросил на них короткий взгляд и пропустил обоих, даже

не попросив Мирелль снять капюшон.

Внутри города Северин отдал лошадей конюху при гостинице. Мирелль осталась посреди людского потока. Никто на неё не смотрел. Плащ самый обычный. Бледно-золотые волосы скрыты под тёмным платком. Ни короны Святой, ни косметики, которую храм выбирал для неё.

Женщина с рулонами ткани пробормотала:

— Простите, — когда Мирелль загородила ей дорогу.

Мирелль тут же отступила. Женщина прошла мимо, больше не взглянув. Мирелль несколько секунд смотрела ей вслед. Северин ждал впереди.

Когда она догнала, он ничего не спросил. Они пошли по главной улице мимо рядов лавок. В воздухе пахло специями, жареным мясом и свежим хлебом. Мирелль почти ничего не ела вечером.

У прилавка с лепёшками её шаг замедлился. Северин прошёл ещё несколько шагов и остановился. Оглянулся. Мирелль тоже остановилась и вдруг почувствовала себя ребёнком, впервые выпущенным наружу.

— Я только посмотрю. Ничего трогать не буду.

Лицо Северина осталось бесстрастным. Она подошла к прилавку.

— Сколько стоит?

Седой продавец складывал свежие лепёшки.

— Три медных.

Мирелль открыла кошелёк. Большая часть денег, взятых

из храма, всё ещё была при ней, но тратить их самостоятельно раньше почти не приходилось. Она выбрала самую маленькую на вид золотую монету. Продавец поднял глаза.

Мирелль посмотрела на монету в ладони.

— Этого недостаточно?

В поле зрения появилась рука. Северин забрал золото из её пальцев и положил на прилавок три медные монеты. Продавец отдал Мирелль лепёшку, уже с трудом скрывая улыбку. Через несколько шагов Мирелль повернулась к Северину.

Он убирал её золотую монету в карман.

— Она моя.

Северин остановился. Мирелль протянула ладонь. Он посмотрел сначала на неё, потом на руку и вернул монету.

— Ты мог просто объяснить, насколько три медные отличаются от одного золотого.

Северин снова пошёл.

— Очень сильно. За эту монету можно купить половину прилавка.

Мирелль поспешила следом, разглядывая золото.

— Понятно. Теперь понимаю, почему я её напугала.

Он не ответил. Мирелль откусила лепёшку. На вкус та оказалась лучше изысканной выпечки, которую каждое утро подавали в храме. Возможно, она просто была голодна.

Они прошли ещё несколько лавок, прежде чем Северин остановился у магазина одежды и жестом показал ей войти.

Мирелль посмотрела на себя. Платье, в котором она бежала из храма, было испорчено. Одежду на подземных станциях выдавали по принципу «лишь бы подошло».

Возражать не стала. Хозяйка принесла несколько простых платьев. Ни одного белого. Ни золотого.

Никаких высоких воротников и длинных рукавов, которые храм требовал от Святой. Мирелль переоделась в тёмно-синее платье и долго стояла перед зеркалом. Крой был простым. На талии — ни единого украшения.

Женщина в зеркале тоже выглядела обычной. Мирелль коснулась рукава. Хозяйка решила, что она недовольна.

— Если вы предпочитаете ткань получше, мисс, у меня есть...

— Нет.

Мирелль повернулась.

— Это.

Северин ждал на другой стороне улицы. Когда она вышла, его взгляд на секунду задержался на платье. Он не сказал, что красиво. Не сказал, что некрасиво.

Мирелль неожиданно предпочла именно это. В храме каждый наряд объявляли идеальным для Святой — даже если он был неподъёмным или стягивал тело до боли. Они продолжили путь. Когда Мирелль остановилась у прилавка с супом, три медные монеты она отсчитала сама.

Цену переспросила дважды. Северин уже ушёл вперёд.

— Ты не будешь есть?

Он оглянулся. Мирелль указала на прилавок. Северин покачал головой. Она села одна за деревянный стол.

Впервые ела прямо у дороги. Ни скатерти, ни серебряных приборов. Рядом сидел покрытый пылью рабочий. И всё же Мирелль чувствовала неожиданную лёгкость.

Никто не решал, что ей положено есть на обед. Никто не предупреждал, что Святая не должна слишком быстро есть на людях. Она попробовала суп. Слишком солёный.

Мирелль всё равно доела до конца.

Глава 17

В тот же день после полудня Мирелль увидела собственное лицо. Объявление занимало самое заметное место на центральной площади. Вокруг висели налоговые уведомления, сведения о потерянных грузах и просьбы помочь найти пропавших людей, но её лист был больше всех. На портрете она носила корону Святой. Волосы нарисовали почти сияющими золотом, за плечами специально добавили ореол благословения.

Мирелль стояла за спинами людей. Сначала смотрела только на изображение. Потом прочла текст. СВЯТАЯ МИРЕЛЛЬ СОРЕЛЛ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЧИСЛИТСЯ ПРОПАВШЕЙ ПОСЛЕ НАПАДЕНИЯ НА ДЕЛЕГАЦИЮ ВЕЙРА.

Её взгляд остановился. Ниже: ВЛАСТИ ПОЛАГАЮТ, ЧТО ОНА МОГЛА БЫТЬ ПОХИЩЕНА ВРАЖДЕБНЫМИ СИЛАМИ. Мирелль смотрела на предложение, пока рядом разговаривали несколько человек.

— Она ведь уже почти две недели как пропала?

— Ещё не две.

— Я слышал, её Вейр забрал.

— Зачем им? Они же ждут, когда Солмер сам её выдаст.

Другая женщина понизила голос.

— Кто знает? Когда дело касается сильных мира сего, читаешь объявление и делаешь вид, что это и есть правда.

Группа вскоре разошлась. Мирелль осталась. Она видела бесчисленное количество собственных портретов. Ни один не вызывал такого неприятного ощущения.

Похищена. Она прекрасно помнила, в каком жалком состоянии была той ночью: лезла из окна, падала в грязь, крадя одежду, даже не знала, сколько стоит комната. Но каждый шаг был её собственным. Теперь несколько строк заменили её выбор совершенно другой историей.

Северин стоял на другой стороне площади. Наверное, прочёл всё давным-давно. Просто не велел ей уходить. Мирелль опустила капюшон и отвернулась.

Северин пошёл следом. Они миновали улицу торговцев тканями и свернули в тихий переулок. Мирелль молчала, пока вдруг резко не остановилась. Северин остановился тоже.

— Меня никто не похищал. — Она оглянулась в сторону площади. — Я ушла сама.

Зачем она это сказала, Мирелль и сама не знала. Северин смотрел. Она невесело усмехнулась.

— Неважно. Даже если я встану посреди площади и скажу

им это, скорее всего, никто не поверит.

Мирелль снова пошла. Через несколько шагов за спиной тихо прозвучало:

— Я верю.

Её шаг замедлился. Она не обернулась. Конечно, Северин знал. Он встретил её уже после побега.

Но этот простой, почти бессодержательный ответ почему-то ослабил узел, давно сидевший в груди. По крайней мере один человек знает, что она ушла по собственной воле. Даже если этот человек когда-то собирался её убить. Ночевали в обычной гостинице.

После купания Мирелль заколола недавно окрашенные волосы. Тёмно-коричневую краску Северин достал днём. Пахла она неприятно, но результат выглядел убедительно. Мирелль изучила отражение.

Тёмные волосы. Никакой короны. Обычное платье. Женщина в зеркале была незнакомой.

Но не неприятно незнакомой. В дверь дважды тихо постучали. Мирелль открыла. Снаружи никого.

На полу лежал маленький тканевый мешочек. Внутри — новая расчёска, пара плотных чулок и монеты разного размера. Записки не было. Мирелль высыпала всё на стол.

Золото. Серебро. Медь. Аккуратно разложенные по видам.

Она знала, кто это оставил. На следующее утро Северин уже сидел внизу в углу и пил воду. Мирелль села напротив

и положила золотую монету на стол. Он поднял взгляд.

— Теперь я понимаю. За одну золотую можно купить очень много хлеба. И ещё заставить всех на улице на тебя смотреть.

Она снова взяла монету.

— В следующий раз я не перепутаю.

Северин вернулся к бумаге в руках. Мирелль успела сделать два шага, когда он сказал:

— Чулки оставь.

Она оглянулась. Он на неё не смотрел. Мирелль взглянула на мешочек и улыбнулась.

— Я и не собиралась возвращать.

Глава 18

На выезде из города начались проверки. Мирелль увидела у ворот вдвое больше стражников, чем накануне, и сразу поняла: что-то не так. Северин опустил занавеску кареты и сел напротив, совершенно спокойно. Очередь двигалась медленно.

Останавливали каждую повозку. Стражники открывали сундуки, проверяли дорожные документы. Чем ближе они подъезжали, тем яснее Мирелль видела герб армии Вейра. Спина напряглась.

— Как они нашли нас здесь?

— Сначала уедем, — сказал Северин. — Потом поговорим.

Снаружи кто-то приказал всем женщинам от двадцати до

двадцати пяти лет выходить для проверки. Мирелль посмотрела на Северина. Его рука лежала на колене. У края перчатки появились тонкие чёрные нити.

Она нахмурилась.

— Здесь не меньше тридцати человек.

Северин спокойно встретил её взгляд. Мирелль подозревала, что ещё несколько тел его действительно не остановят.

— Не надо.

Он руку не убрал. Стража уже проверяла карету впереди. Следующими были они. Мирелль приподняла край занавески, несколько секунд посмотрела наружу и отпустила ткань.

— Я сама разберусь.

Северин не спросил как. Мирелль сняла плащ, поправила платье и волосы, расправила плечи. Изменилась даже посадка. Северин наблюдал.

Храм научил её множеству бесполезных вещей. Как заставить людей на банкете замешкаться, прежде чем подойти к ней. Как превратить обычный вопрос в приказ. Как не показать неуверенности, если не знаешь звания собеседника.

Мирелль всегда считала, что все эти уроки нужны только для того, чтобы Святая выглядела ещё больше похожей на Святую. Возможно, они всё-таки для чего-то пригодятся. В карету постучали. Мирелль вышла первой.

Стражник Вейра поднял объявление, но она не позволила ему заговорить.

— Кто уполномочил военных Вейра проверять граждан

Солмера?

Стражник запнулся.

— Мисс, мы лишь помогаем...

Мирелль взглянула на знак у него на плече.

— Пятый пограничный полк.

Он инстинктивно выпрямился.

— Да.

— С каких пор Пятый пограничный полк отвечает за городскую безопасность?

— Мы не отвечаем. Мы...

— Тогда я буду говорить с городской стражей.

Подошёл местный офицер. Прежде чем он успел начать, Мирелль предъявила поддельные документы, подготовленные Северином. По ним она принадлежала к старому, но незначительному роду с севера. Такой род действительно существовал. Мирелль встречала двоих его представителей на храмовых приёмах.

Имя было недостаточно важным, чтобы кто-то сразу бросился всё проверять, но достаточно старым, чтобы обычный стражник побоялся оскорбить его носительницу.

— Нам приказано найти молодую женщину, — теперь местный офицер говорил куда вежливее. — Бледно-золотые волосы. Она может быть замаскирована.

Волосы Мирелль были тёмно-коричневыми. Она приподняла одну бровь.

— И вы считаете, что это я?

— Я этого не говорил.

— Тогда у вас два варианта. Проверить мои документы, убедиться, что они в порядке, и позволить мне уехать. Или задержать меня, назвать своё имя и звание, после чего моя семья спросит у городского совета, почему приказ иностранной армии позволяет без причины удерживать путешественников Солмера.

Стражник изучал её. Сердце Мирелль бешено билось. Ни одна черта лица этого не показывала. Наконец он проверил бумаги и вернул.

— Можете ехать.

Мирелль слегка наклонила голову. Благодарить не стала. Только когда карета снова тронулась, она выдохнула. Ладони были мокрыми.

Северин посмотрел на них. Мирелль спрятала руки в складках юбки.

— Если бы он отказался, ты собирался вмешаться?

— Если бы он к тебе прикоснулся.

Мирелль вспомнила тридцать человек у ворот. Дальше спрашивать не стала. Когда город остался далеко позади, она прислонилась к стенке кареты и закрыла глаза.

— Я ненавидела учиться всему этому.

Северин поднял взгляд.

— Чему?

— Как говорить. Как сидеть. Как заставить другого человека поверить, будто у тебя больше права злиться, чем у него.

Вслух это звучало нелепо.

— Храмовые наставницы говорили, что Святая обязана уметь.

Северин слушал. Мирелль посмотрела в окно на удаляющийся пост.

— Мне казалось, эти правила существуют только для того, чтобы мне было труднее дышать. Не думала, что однажды они пригодятся.

Намного позже Северин сказал:

— Не только сегодня.

Мирелль повернулась. Он уже закрыл глаза. Это было ближе всего к похвале из всего, что она от него слышала.

Глава 19

До следующего города они добрались после полудня. У ворот их никто не проверял. Проблемы начались на рынке. Мирелль услышала оглушительный грохот.

А потом улицу мгновенно наполнили крики: кто-то закричал, что сбежал магический зверь. Повозка с живыми существами перевернулась прямо на дороге. Половина железной клетки разломалась, и в толпу вырвался сероспин. Он был выше обычной лошади. Жёсткая серо-чёрная шерсть вдоль позвоночника стояла дыбом. Правая передняя лапа была ранена, а боль, шум и крики окончательно свели зверя с ума.

Толпа шарахнулась. Кто-то врезался в Мирелль, оттолкнув назад. Только что она шла рядом с Северином. Подняла голову — их уже разделяло больше десятка паникующих

людей.

— Северин...

Кто-то промчался мимо и заглушил голос. Сероспин влетел во фруктовый прилавок. Доски разлетелись. На дороге стоял плачущий ребёнок.

Искать Северина было некогда. Мирелль бросилась вперёд, подхватила ребёнка на руки и унесла в сторону.

— Где твоя мама?

Он мог только показать сквозь слёзы. Женщина лежала под упавшим стеллажом. Мирелль передала мальчика владельцу лавки и вернулась. Одной поднять стеллаж сил не хватило. Вскоре к ней присоединились двое мужчин, и вместе они приподняли конструкцию.

Лицо женщины блестело от пота.

— Не пытайтесь встать.

Мирелль присела рядом. Рана на ноге была глубокой. Исцеляющей магии у неё не было, зато в храме её научили оказывать первую помощь. Во время больших паломничеств всегда случались давка и тепловые удары.

Она оторвала полосу чистой ткани и сильно прижала к ране. Хозяин лавки зажёл магическую лампу над дверью, чтобы целители быстрее их нашли. Сероспин повернулся. Мирелль сразу заметила закономерность.

Каждый раз, когда зверь бросался вперёд, он шёл на самый яркий источник света.

— Погасите.

Хозяин усталился на неё.

— Что?

— Лампу. Быстро.

Он всё ещё не двигался. Мирелль повысила голос.

— Погасите её!

Свет исчез. Соседние лавки увидели и сделали то же самое. По улице разлилась темнота. Сероспин уже нёсся прямо к ним. На середине пути он потерял цель и свернул к другой освещённой улице.

Люди вокруг облегчённо перевели дух. Мирелль вернулась к ране. Ребёнок добрался до матери. Вокруг всё ещё царил хаос, но хотя бы здесь пока было безопасно.

Сколько времени она простояла на коленях, Мирелль не знала. Затем дверной проём закрылся тенью. Снаружи стоял Северин. Невредимый.

Первым делом Северин заметил кровь на её руках. Мирелль сама не поняла, почему сразу объяснила:

— Это не моя.

Он перевёл взгляд с её рук на лицо. Снаружи снова грохнуло. Сероспин вернулся. Теперь он был ближе. Разбив карету, зверь мчался к лавке.

Мирелль встала. Северин уже повернулся. Она даже не заметила, чтобы он поднял руку. Чёрные нити разошлись по воздуху.

Все четыре конечности зверя одновременно дёрнулись. Сероспин заскользил по каменной дороге и взревел так

громко, что, казалось, задрожала улица. Северин стоял неподвижно. Пальцы едва шевельнулись.

Разъярённый зверь постепенно замедлился. Мышцы напряглись так сильно, будто вот-вот разорвут кожу, но ещё одного шага вперёд он сделать не смог. Мирелль смотрела на чёрные нити. Каждый раз раньше они означали крики, сломанные кости или смерть.

Сейчас — нет. На другой стороне улицы под упавшей балкой оказались зажаты двое людей. Северин посмотрел туда. Сероспин развернулся, подошёл к балке и плечом сдвинул тяжёлое дерево.

Другие люди вытащили пострадавших. Прибыли целители, и Мирелль отошла. Когда снова посмотрела, Северин уже шёл к концу улицы. Сероспин спокойно следовал за ним, опутанный чёрными нитями.

Мирелль догнала.

— Ты заберёшь его с нами?

— Пока да.

— А потом превратишь в марионетку?

Северин остановился и посмотрел на зверя.

— Пока оставляю в живых.

Мирелль пошла следом. Через некоторое время оглянулась на рынок. Спасённые ими люди всё ещё смотрели. Никто не решался идти за ними.

Магию, которую Мирелль прежде считала только чудовищной, можно было использовать совсем иначе. Это не де-

лало Северина хорошим человеком. Комнату с живыми марионетками она не забыла. Но на одно короткое мгновение Мирелль поняла: она знает его куда хуже, чем думала.

Глава 20

На следующее утро, прямо посреди завтрака, Северин положил перед ней кошелёк. Мирелль перевела взгляд с денег на него.

— Что это?

— На одежду.

Она открыла. Серебро и медь. Ни одной золотой монеты. Кто-то явно окончательно потерял веру в её способность делать покупки.

Северин надевал пальто.

— Куда ты идёшь?

— За нами следили с юга. Разберусь.

К таким ответам Мирелль уже привыкла.

— Я пойду с тобой.

— Нет. На дороге небезопасно.

Её руки замерли. Северин уже дошёл до двери.

— Ты оставляешь меня здесь одну?

Он оглянулся.

— Вернусь до заката. Снаружи есть люди. Если что-нибудь понадобится, скажи им.

И ушёл. Мирелль долго сидела на месте, прежде чем посмотреть в окно. Он действительно оставил её одну. Никто в сером не ходил за ней по пятам.

Насколько она могла понять, хозяину гостиницы не веле-ли удерживать её внутри. На теле не было нитей. Мирелль посмотрела на деньги в руке. Первая мысль возникла сама собой.

Беги. Западные ворота рядом. Вчера она видела караван, который сегодня утром собирался уходить на юг. Если денег хватит, возможно, её возьмут с собой.

Можно снова перекрасить волосы. Купить другую одежду. Мирелль сидела. Потом вспомнила пленника, едущего под дождём.

Попробуешь убежать ещё раз — станешь такой же. Северину не требовалось повторять угрозу каждый день. Одного раза хватило. Мирелль раздражённо запихнула в рот хлеб — злилась и на него, и на себя.

В конце концов она всё-таки вышла из гостиницы. Но не к воротам. На рынок. Первым делом купила карту.

Не подробную карту всего Эриндора — обычный дорож-ный лист с главными городами, дорогами, реками и несколь-кими опасными областями. Она долго её рассматривала. Каждое путешествие в её жизни кто-то планировал за неё. Мирелль даже не знала, сколько дорог на самом деле соеди-няют Солмер и Вейр.

Потом купила ленту и маленький флакон ароматическо-го масла. Продавец предложил несколько запахов. Мирелль попробовала три или четыре и выбрала самый дешёвый. Не потому, что он понравился больше.

Потому что впервые научилась разбираться в ценах. В полдень Мирелль сидела у площади и ела сладкую лепёшку. Две девушки рядом быстро обсуждали, что чей-то сын собирается жениться. Никто не знал, кто она.

Никому не требовалось её благословение. Мирелль расслабилась. После полудня она дошла до развилки. Налево — городские ворота.

Направо — обратно к гостинице. До темноты оставалось ещё много времени. Мирелль долго стояла на месте. В конце концов повернула направо.

Этот выбор тревожил. Она не знала, вернулась ли потому, что боялась Северина, или потому, что действительно считала: оставаться с ним безопаснее, чем снова бежать одной. Возможно, и то и другое. К гостинице Мирелль вернулась до заката.

Северин уже сидел у окна. На столе лежало несколько писем. Он коротко взглянул на неё и снова опустил глаза. Не спросил, где она была.

Не спросил, почему вернулась. Мирелль приготовилась к допросу. Когда его не последовало, она неловко осталась у двери. Наконец разложила покупки на столе и развернула карту.

Северин посмотрел.

— Ты оставил меня одну, — сказала Мирелль. — Я могла сбежать в любой момент.

Он перевернул страницу, будто не услышал. Она собира-

лась на этом остановиться. Не получилось.

— Ты не боялся, что я так и сделаю?

Только тогда Северин поднял взгляд. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Он не повторил угрозу. Не сказал, что всегда её найдёт.

Просто вернулся к письму. Мирелль поняла. Дело не в том, что он ей доверяет. Он доверяет себе.

Она опустила глаза к карте. Через некоторое время Северин протянул руку и развернул её. Мирелль подняла голову. Он указал на место, которое она всё это время изучала неверно.

— Ты держала её вверх ногами. Север здесь.

Мирелль молчала. Перевернула карту.

— Раньше я плохо видела.

Северин посмотрел на неё.

— Разумеется. Теперь видишь.

В комнате было тихо. Мирелль показалось, что уголок его рта дрогнул. Когда она посмотрела ещё раз — ничего. Мирелль откинулась на спинку стула, пока за окном угасал последний дневной свет.

Целый день она провела в городе без стражи, слуг и храма. И вернулась. На этот раз переступить порог было её собственным выбором.

Глава 21

Когда окончательно стемнело, в комнате осталась гореть только лампа на столе. Мирелль правильно развернула но-

вую карту и положила рядом с багажом дешёвое ароматическое масло и ленту. Северин продолжал читать. Он не спросил, где она провела день, и не упомянул, что Мирелль могла выйти через западные ворота.

Его молчание почему-то заставляло её чувствовать себя неловко. Она специально вернулась до заката, но, похоже, только ей самой казалось, что этот выбор требует объяснений.

— Я почти ничего не потратила. — Мирелль пододвинула оставшееся серебро к середине стола. — Карта стоила дороже лепёшки, а лента была дешёвой. Перед каждой покупкой я спрашивала цену.

Северин посмотрел на монеты и подвинул их обратно. Мирелль подождала, не последует ли ещё что-нибудь, затем убрала деньги в кошелёк. Она складывала карту, когда в дверь трижды постучали через равные промежутки. Северин поднял голову.

Лицо почти не изменилось, но пальцы замерли на краю листа. За дверью стоял молодой мужчина в одежде гостиничного слуги. В руках — пустой поднос. Входить он не стал.

Вместо этого вытащил из-под подноса маленький свёрток бумаги. Северин прочёл его и поднёс к лампе. Мирелль почувствовала запах горящего пергамента.

— Через полчаса выйдешь через заднюю дверь, — сказал Северин.

Слуга поклонился и ушёл. Мирелль ничего не спрашива-

ла. Собрала вещи со стола и завязала новую ленту вокруг запястья. Только когда Северин подошёл проверить окно, она заметила, как он прячет короткий нож в рукав и достаёт чистую пару перчаток.

— За мою голову снова назначили цену?

— Теперь тебя не просто ищут. — Северин закрыл окно.
— Кто-то платит за тебя живую.

Руки Мирелль замерли. Он поправил одну ставню и одновременно следил за крышей напротив, будто проверяя, нет ли наблюдателей.

— Живой или мёртвой? — спросила Мирелль.

— Только живой.

Сумму она спрашивать не стала. Если она настолько велика, что Северин решил среди ночи покинуть гостиницу, многие наверняка забудут, насколько опасно связываться с пропавшей Святой. О том, что заказчик собирался делать с ней после поимки, пока можно было не думать. Через общий зал они не выходили.

Небольшая дверца для сена за конюшней вела к неприметной развозной повозке. Мирелль забралась внутрь между пустыми деревянными ящиками. Северин последовал и, усевшись, подтянул её ближе к себе. Ящики занимали почти всё пространство. Её плечо прижималось к его руке, и каждый раз, когда колёса попадали в щель между камнями, их колени сталкивались.

Северин не отодвинулся. Когда повозка угодила в глубо-

кую выбоину, он поднял руку, прикрывая Мирелль от жёсткой стенки. Сначала она держалась за край ящика. Поняв, что его рука куда надёжнее, расслабилась и прислонилась к Северину.

Служанки поддерживали её так же, когда королевские кареты шли по плохим дорогам. Мирелль не придавала жесту другого смысла. Северин опустил взгляд, когда её вес полностью пришёлся на него. Пальцы слегка сжались сквозь ткань платья.

Новое убежище находилось за закрытой мастерской часовщика на юге города. В витрине лежали покрытые пылью шестерёнки и деревянные корпуса. Наверху было две комнаты: одна с окном на улицу, вторая — только с длинным столом для отчётов. Люди Андервейла уже ждали.

На столе лежали три противоречивых описания Мирелль. На одном — Святая с бледно-золотыми волосами. В другом говорилось, что она остриглась и обожгла половину лица. Самое точное сообщало: пользуется именем Мира, повредила правую ногу и, возможно, путешествует с мужчиной в чёрном.

Палец Мирелль остановился на последней строке.

— Нас кто-то видел.

— В гостинице, у ворот или на рынке, — сказал посыльный в сером. — Награда прошла через трёх посредников. Те, кто стоял в самом конце цепочки, знают только, что её нужно взять живой. Первый, кто согласился, сегодня ночью

встретится с посредником.

Северин не отправил толпы людей хватать свидетелей. Разделил территории трёх посредников, решил пока не трогать того, кто с наибольшей вероятностью мог привести к заказчику, а за двумя остальными приказал наблюдать местным людям. Посыльный быстро ушёл. Мирелль села на край кровати.

Она собиралась только ещё раз рассмотреть портреты, но Северин остался у стола разбирать новые сообщения. Стул в комнате был один, и на нём уже сидел курьер. Храмовые служанки часто сидели рядом с её кроватью, составляя расписания. Мирелль никогда не думала, что кровать существует исключительно для сна.

Поздно ночью через оконную раму начал просачиваться холод. Она плотнее закуталась в плащ, но её всё сильнее клонило в сон. Когда Северин остановился перед ней, Мирелль на мгновение подняла взгляд и совершенно естественно прислонилась лбом к его животу.

— Долго они ещё будут внизу? Я уже едва глаза держу открытыми.

— Ждать не нужно. Его поймали.

Мирелль что-то пробормотала, уже закрывая глаза. Северин не двигался, пока её пальцы бессознательно не зацепились за край его пальто. Тогда он наклонился и поднял её. Полусонная Мирелль почувствовала, как отрывается от края кровати и оказывается среди одеял.

Когда Северин попытался отойти, она инстинктивно при-
двинулась к нему, не желая терять тепло. Он остановился.
Снаружи ждал человек с адресом первого посредника. Северин не ушёл сразу.

Сел рядом с Мирелль и убрал волосы с её щеки. Она не проявляла ни малейшей настороженности рядом с мужчиной, который когда-то собирался её убить. Сколько он смотрел, Мирелль не знала. Только после второго тихого напоминания посыльного Северин накрыл её одеялом.

Перед уходом он обмотал почти невидимыми нитями замок и оконную раму. Посредник уже находился в подвале. Пока что его нужно было сохранить живым.

Глава 22

Первое, что Мирелль увидела после пробуждения, — чёрная перчатка. Северин сидел на краю кровати, прислонившись спиной к столбику, и держал в другой руке недавно доставленный реестр. Её пальцы всё ещё цеплялись за угол его пальто. Запястье лежало поперёк его бедра.

Очевидно, так они находились уже какое-то время. Северин её не разбудил. Мирелль села и отпустила смятую ткань.

— Я заснула?

— Да. Слишком крепко, чтобы тебя будить.

Она поправила волосы, так и не заметив, насколько мало его ответ на самом деле объяснял. Решив, что заняла его кровать, Мирелль начала вставать. Северин подвинул к ней туфли и поддержал за предплечье, пока она не обрела равно-

весие. Всю жизнь кто-нибудь помогал ей со ступенями, каретами и длинными юбками.

Она не начинала бояться прикосновений лишь потому, что теперь её касался мужчина. Внизу завтрак не подавали, но на столе ждали хлеб, горячий суп и два варёных яйца. На середине еды под полом раздался приглушённый крик. Он быстро оборвался.

Потом — скрежет чего-то тяжёлого по камню. Северин продолжал читать реестр.

— Мужчина, которого вы поймали ночью, внизу.

— Пока жив. — Северин перевернул страницу. — По крайней мере, пока не закончит писать.

Мирелль посмотрела на него, затем спокойно доела суп. Она не требовала допустить её к допросу, но и намеренно избегать происходящего не собиралась. После еды Мирелль взяла пустую чашку и пошла за водой. Проходя мимо узкой лестницы в подвал, услышала, как кто-то упомянул пропавшую Святую.

Дверь внизу была приоткрыта. В комнате стоял только длинный стол. Посредник сидел перед ним, обе руки лежали ладонями вниз рядом с листом бумаги. Запястья не связаны.

На вид мужчине было около сорока. Одет он был аккуратно, ногти ухоженные. Вполне мог сойти за законного торговца. Если бы правая рука не писала с неестественной ровностью, пленником он вообще не выглядел бы.

Мужчина увидел Мирелль в дверях. Остатки цвета исчез-

ли с лица.

— Это она.

Северин сидел напротив и даже не повернулся. Чёрные нити тянулись от его перчатки к пальцам, запястьям и горлу мужчины. Он не расспрашивал посредника пункт за пунктом. Вместо этого заставил записывать всё с момента первого контакта с наградой: каждого человека, каждый адрес, каждый увиденный портрет и всех людей, которых тот продал за последний год.

Уже было заполнено три страницы. Посредник пытался остановиться. Его рука продолжала выводить на бумаге то, что он пытался скрыть. Рядом с некоторыми именами стояли возраст, цвет волос и требования покупателя.

Одной девочке было всего тринадцать. Из-за бледно-фиолетового глаза, указывавшего на кровь фэйри, к цене добавили отдельную надбавку. Женщина из зверолодей получила травму во время перевозки. В записи о ней было всего два слова.

Вопрос решён. Мирелль поставила чашку и подняла готовые страницы. Она не спросила посредника, зачем он это делал. Не спросила, живы ли эти люди.

Ближе к концу появилось описание самой Мирелль. Цена оставалась пустой, но рядом уже значились несколько кодов покупателей.

— Заказчик знает, кто я, — сказала она.

Посредник заговорил быстро.

— Я только нахожу людей. Пока вас не поймали, я ведь на самом деле ничего...

Его челюсть резко сомкнулась, зубы с силой ударились друг о друга. Северин даже не посмотрел на него, но нити теперь держали всё лицо и заставили снова сосредоточиться на странице. Мирелль спокойно перевернула следующий лист. Заканчивать оправдание за него она не стала.

В одной записи назывался склад на западе города. Не меньше шести женщин ждали там отправки. Посредник лично пересчитывал их каждые три дня. Следующая перевозка — сегодня ночью.

Если он войдёт как обычно, люди внутри не поймут, что маршрут раскрыт. Северин встал. Нити подняли посредника на ноги. Тот своими руками сложил три страницы ровной стопкой и вытер со стола пот.

Сознание не покидало его; он мог лишь молить о пощаде.

— Ты отправишь его назад, чтобы он открыл склад? — спросила Мирелль.

Северин взял у неё список.

— Он откроет дверь. До вечера он полезен.

Зрачки посредника задрожали. Он лучше всех понимал, что ждёт после истечения этого срока. Мирелль не просила Северина его пощадить. Только указала на имя тринадцатилетней девочки и предупредила, что внутри могут быть и незаписанные пленницы.

Наверху Мирелль налила ещё одну чашку воды. Северин

присоединился к ней после того, как отдал распоряжения. Перчатки уже сменены. На манжетах не осталось никаких следов.

Он отпил, не отходя от неё, и опустил взгляд к пальцам Мирелль, всё ещё державшим край чашки. Она руки не убрала, продолжая изучать одну из возвращённых страниц.

— Когда женщин освободят, о них кто-нибудь позаботится?

— Да. Через руки посредников они больше не пройдут.

— А посредник?

Взгляд Северина остановился на её лице.

— Его нет в списке тех, о ком нужно заботиться.

Мирелль больше ничего не спросила. Их пальцы всё ещё соприкасались на чашке. Она решила, что Северин просто прислушивается к опасности снаружи. Мирелль поправила край перчатки, которую он, похоже, надел наспех.

Северин следил за её рукой. Внизу открылся замок. Посредник вышел из мастерской в собственном пальто, оставаясь в сознании внутри тела, которое ему больше не принадлежало. Двое людей Андервейла двинулись за ним на расстоянии.

Мирелль наблюдала из окна, как он уходит. Северин подошёл сзади и протянул руку через её плечо, наполовину задвигая занавеску. Отступать он не стал. Мирелль всё ещё смотрела на улицу и не замечала, что его дыхание находится куда ближе, чем требовала простая защита.

Даже когда посредник скрылся за углом, Северин не сразу отпустил её.

Глава 23

До начала операции на западном складе кто-то начал следить за мастерской часовщика. Наблюдатель Андервейла заметил двух незнакомцев, которые несколько раз проходили мимо задней двери. У одного был прибор, способный распознавать иллюзорную краску на волосах. Они ещё не подтвердили, что Мирелль внутри, но оставаться означало подвергнуть опасности и убежище, и операцию на складе.

Группа ушла до полудня. По новым документам Северин и Мирелль были молодой супружеской парой, приехавшей купить в городе старое оборудование. Имена — непримечательные, место жительства — достаточно далёкое, чтобы стражник не смог быстро всё проверить. Увидев запись о браке, Мирелль лишь уточнила, какую фамилию теперь использовать.

— Мира Сенн, — прочитала она. — Получше имени, которое я придумала в первой гостинице.

Северин убрал оба комплекта бумаг, никак не прокомментировав её спокойное отношение к фиктивному браку. Они выехали через южные ворота в повозке, загруженной сломанными часовыми корпусами, а за городом пересели в другой транспорт до Грейхейвена. Когда стражник подошёл проверять груз, Северин удержал Мирелль ладонью за заднюю часть шеи и прижал её лицо к своей груди. Пальто скры-

вало большую часть черт.

Она чувствовала только запах кожи и слабый древесный аромат. Когда стражник ушёл, Мирелль села прямо без малейшего смущения. В доках Грейхейвена каждый день принимали толпы чужаков. Из-за осенней грузовой ярмарки почти все гостиницы были заполнены, и последняя доступная комната Андервейла уже была зарегистрирована на супружескую пару.

Когда слуга открыл дверь, Мирелль первым делом проверила окно и путь к переулку. Только потом заметила одну кровать. Северин поставил багаж и осмотрел замок и стену за ванной комнатой. Мирелль проверила матрас.

Кровать широкая. Для двоих места достаточно, между ними ещё останется расстояние.

— Тебе не нужно спать на полу.

Северин посмотрел на неё. Решив, что он опасается её возражений, Мирелль придвинулась к стене и оставила свободным внешний край.

— Когда я болела, служанки иногда оставались рядом всю ночь. Если не заберёшь себе всё одеяло, проблем не будет.

Он долго смотрел на неё, словно хотел что-то спросить. Но вместо этого подвинул к ней поднос с ужином.

— Сначала ешь. Потом решим, где я буду спать.

Мирелль разбирала список посредника, пока Северин ждал новостей со склада. Живая марионетка вошла внутрь без проблем. В здании находились восемь охранников, два

представителя покупателей и семь пленниц. Другая группа Андервейла перекрывала выход к реке.

Действовать собирались ночью. Мирелль прочитала, что одну женщину держали там четыре месяца, и молча вернула страницу. Торопить Северина с нападением она не стала. Сначала нужно перекрыть выходы и найти скрытые книги.

Безрассудный штурм мог привести к гибели пленниц. Поздно вечером Мирелль первой приняла ванну. За деревянной ширмой переоделась в белый халат, предоставленный гостиницей, и вышла, вытирая волосы. Ткань была тоньше храмовых ночных одеяний, ворот не застёгивался у горла.

Мирелль заметила только, что в комнате холодно. Северин стоял у окна. Он скользнул взглядом от распущенных тёмно-коричневых волос к вырезу и задержался там дольше обычного. Мирелль проследила за его глазами, проверила пояс и решила, что, наверное, оделась неправильно.

— Теперь ты.

Северин не двинулся. Наконец заметив его внимание, Мирелль протянула полотенце.

— Сзади ещё мокро?

Он взял полотенце и коснулся влажных концов волос.

— Да.

Мирелль села к нему спиной. Северин начал вытирать участки, до которых она сама не дотягивалась. Пальцы несколько раз коснулись сбоку шеи и двигались куда медленнее, чем когда он обрабатывал рану. Мирелль решила, что

просто у него нет опыта с длинными волосами.

Легли они, оставив между собой расстояние. Северин спал ближе к двери, короткий нож — рядом с подушкой, чёрные нити исчезали в дверной раме. Мирелль повернулась к стене и вскоре уснула. После полуночи начался дождь.

Через окно тянуло холодом. Не просыпаясь, Мирелль перекатилась к единственному источнику тепла рядом. Ладонь легла Северину на грудь. Колено коснулось его ноги.

Она не проснулась. Когда его дыхание на мгновение остановилось, Мирелль придвинулась ещё ближе. Северин открыл глаза и посмотрел вниз, на женщину у своего плеча. Рука долго висела над её талией.

Потом опустилась. Ладонь сжалась и полностью притянула её в объятия, подальше от сквозняка. Мирелль тут же расслабилась. Пальцы так же естественно зацепились за его ночную рубашку, как раньше за пальто.

Ближе к рассвету она ненадолго проснулась. Обнаружила себя почти целиком в объятиях Северина, его рука плотно держала её за талию. Первой мыслью было, что она заняла слишком много места. Мирелль попыталась отодвинуться к стене.

Не открывая глаз, Северин сильнее сжал руку и вернул её обратно. Она решила, что он всё ещё спит. Послушала дождь, прижавшись к его груди, и вскоре снова уснула. Кристалл связи у кровати загорелся.

Все выходы с западного склада были перекрыты. Живая

марионетка ждала Северина внутри.

Глава 24

Северин ушёл до рассвета. Когда Мирелль проснулась, его сторона кровати всё ещё хранила тепло. На столе лежали завтрак, чистая одежда и записка. Всего одна фраза: вернётся до полудня.

Мирелль положила записку под карту и даже не пыталась идти следом. Западный склад находился рядом с заброшенным каналом и выглядел самым обычным хранилищем. В назначенное время посредник вошёл через главную дверь, обменялся условными знаками с охраной и открыл первые ворота в подземные камеры. Движения ничем не отличались от обычных.

Он даже мог кивать знакомым. Только в глазах оставался ужас. Северин появился не сразу. Люди Андервейла заняли крышу и речной тоннель, отключили каждый кристалл связи и подтвердили, что все семь пленниц живы.

Когда представители покупателей начали осматривать новую «партию», посредник под контролем Искусства Нитей вытащил нож и перерезал горло первому охраннику. К тому времени, как остальные поняли, что происходит, подземный вход уже был заперт изнутри. Чёрные нити проскользнули через щели в досках и схватили двух мужчин у выхода. Один развернулся и встал на пути товарищей.

Другой сам отдал ключ, спрятанный в одежде. Склад наполнился криками и руганью. Когда вошёл Северин, уже

невозможно было понять, кто из людей всё ещё распоряжается собственным телом. Бухгалтера он оставил живым и заставил назвать каждого покупателя, каждый караван и каждый адрес оплаты.

Мужчина попытался скрыть перевалочный дом за городом. Его правая рука сама сломала два собственных пальца. Во второй раз он рассказал обо всех сделках за последние три года. Когда камеры открыли, люди Андервейла привели вниз целителей и принесли чистую одежду.

Северин никого не утешал лично. Только приказал записать каждое имя и выяснить, не успели ли кого-нибудь ещё увезти. Самая молодая девушка после нескольких месяцев без солнечного света потеряла сознание прямо в дверях. Прежде чем кто-то успел её подхватить, нити Северина подержали её под коленями и перенесли на руки целителю.

Когда пленниц увели, внутри остались только торговцы людьми. Посредник стоял на коленях рядом с кровью, частично вернув контроль над телом. Он смотрел, как уносят списки и бухгалтерские книги, и понимал: больше он им не нужен.

— Я привёл вас внутрь, — тяжело дышал он. — Сделал всё, что вы приказали.

Северин стоял перед ним и вытирал кровь с одной перчатки.

— Я могу дальше находить для вас людей. Есть другие, в других городах. Я знаю, где они.

Северин бросил запачканную ткань в жаровню. Правая рука посредника подняла нож. Остриё повернулось к груди. Он схватился за собственное запястье, но вторая рука тоже двинулась под нитями и усилила хватку.

Дверь склада закрылась за ним. Когда Северин вернулся в гостиницу, было почти полдень. Мирелль сидела у окна и подвязывала окрашенные волосы. Она сразу заметила тёмно-красный след у манжеты.

— Ты ранен?

— Это не моя кровь.

Она положила ленту и подошла. Кровь уже подсохла между запонкой и перчаткой. Мирелль не спрашивала, сколько людей погибло. Расстегнула манжету и сняла с его плеч испачканное пальто.

— Люди на складе?

— В безопасности.

— А посредник?

Северин снял окровавленную перчатку.

— Он не вышел со склада живым.

Мирелль повесила пальто на стул. Не стала обвинять Северина. И облегчения не показала. Она знала, сколько женщин продал тот человек. Видела надбавку рядом с именем тринадцатилетней девочки.

Северин убил его не во имя закона или справедливости. Награда коснулась Мирелль — и поэтому Северин уничтожил весь склад. Она взяла влажную ткань и вытерла остатки

крови с его запястья. Северин наблюдал.

Когда Мирелль попыталась отойти, его рука сомкнулась у неё на затылке. Она подняла голову, решив, что кровь попала ей на лицо. Большой палец медленно прошёл за ухом и остановился над пульсом. Они стояли настолько близко, что глаза Северина казались темнее обычного.

Даже без пальто от Северина всё ещё пахло кровью. Она не отступила. Северин наклонился, пока дыхание не шевельнуло волосы у её лба. Мог податься ещё ближе.

Но вместо этого притянул её к себе и крепко обнял за талию. Мирелль застыла. Эти объятия были теснее, чем требовалось для езды верхом или маскировки. И длились намного дольше.

Она не понимала, почему ему вдруг понадобилось убедиться, что она действительно стоит перед ним. Поэтому обняла Северина за спину и дважды мягко похлопала — так храмовые служанки когда-то успокаивали испуганных детей. Северин положил подбородок ей на волосы и не отпустил. Загорелся кристалл связи.

Мирелль повернула голову в его сторону. Северин взял кристалл, всё ещё удерживая двумя пальцами край её плаща. Один покупатель из найденных книг так и не появился. Он предложил самую высокую цену и потребовал доказательств, что Мирелль физически невредима, не повреждена Искусством Нитей и что мужчина, с которым она путешествует, её не трогал.

Северин прочёл страницу. Он сжал лист так, что под большим пальцем осталась глубокая складка.

Глава 25

Последний покупатель жил в частном поместье к северу от Грейхейвена. Орлан Весс разбогател, скупая земли и долги разорившихся дворян. А втайне находил для коллекционеров людей с редкой кровью, религиозным статусом или необычными магическими особенностями. В книге со склада его имя напрямую не указывалось.

Там был лишь знак управляющего и список условий, на которых Орлан согласится принять Мирелль. Северин сообщил о плане только тем, кому это было необходимо. Под контролем Искусства Нитей единственный представитель покупателя, который ещё мог свободно двигаться, вернулся в поместье и сообщил: пропавшая Святая найдена. Продавцы опасаются обнаружения и требуют, чтобы Орлан осмотрел её в заброшенном санатории за городом.

Мирелль знала план. Северин не показывал ей список условий. Несколько строк она увидела на столе, пока он менял пальто. Покупатель собирался осматривать её волосы, кожу, зубы и тело.

Даже требовал подтвердить, что она соответствует его представлению о «неиспользованной» женщине. Мирелль вернула лист, не показывая страха. Храм следил за её здоровьем, питанием и месячными, просто использовал более красивые слова, чтобы Святая оставалась пригодной для пуб-

личного представления. Формулировки Орлана были грязнее.

Смысл тот же. Её тело — вещь, которую можно оценить, подготовить и передать. Северин забрал страницу и сжёг.

— Я хочу пойти, — сказала Мирелль.

Он согласился не сразу.

— Он покупает меня. Если увидит собственными глазами, быстрее выдаст остальные имена. Я не подойду к нему одна и не выйду из твоего поля зрения.

Северин долго смотрел.

— Можешь идти. Останешься там, где я тебя вижу.

К полудню санаторий окружили три кольца людей Андервейла. Каждый выход и дренажный тоннель были перекрыты. Мирелль сидела в приёмной на втором этаже. Северин стоял позади, ладонь лежала там, где шея переходит в плечо.

Когда Орлан вошёл с двумя охранниками и целителем, обученным проверять магические следы, он едва скрывал возбуждение. Увидев лицо Мирелль, сделал шаг вперёд, даже не спросив условия сделки. Северин встал между ними. Только тогда Орлан посмотрел на него.

— Ты тот мужчина, который её забрал?

Северин даже не оглянулся к Мирелль.

— Рассказывай, что знаешь.

— Я могу заплатить тебе отдельно. Её ценность не исчезнет только потому, что она путешествовала с мужчиной, если нет явных следов...

Орлан так и застыл с открытым ртом — ни звука не вышло. Оба охранника выхватили мечи. В следующее мгновение чёрные нити развернули клинки друг к другу.

Целитель попытался бежать. Его ноги сами донесли его до стены, заставили опуститься на колени и удерживали там. Правая рука Орлана полезла в собственное пальто и достала ключи, кристалл связи и маленькую записную книжку. В глазах застыл ужас.

Пальцы листали страницы одну за другой, называя покупателей и посредников. Северин дал единственный приказ. — Начинай до происшествия. Ничего не пропускай.

Орлан начал с первого имени. Рассказал, когда узнал об исчезновении Мирелль, кто передал сведения о её теле и какие люди собирались разделить награду. Каждый раз, когда он пытался свалить вину на мёртвого посредника, собственный язык выдавал всё, что он хотел скрыть. Три имени на последней странице были связаны с провалившейся церемонией благословения: бывший техник, перевозивший ритуальное оборудование, пропавшая служанка Святой и артефактор, помогавший очищать место после катастрофы.

Мирелль переписала имена. Она не спрашивала о королевских или храмовых документах. Только уточнила, что все трое живы и получили деньги от Орлана. Когда полезная информация закончилась, Северин позволил людям Андервейла увести целителя.

Его наняли лишь проверять магию. К поиску и продаже

людей он отношения не имел. Охранники остались, мечи всё ещё были направлены друг на друга. К Орлану вернулся голос.

— Я её никогда не трогал. — Он посмотрел на Мирелль, будто только она могла заступиться. — Сегодня вижу впервые. Я всего лишь предложил деньги. Я ещё ничего не сделал.

Мирелль посмотрела на три имени в руке. Через некоторое время сложила лист. На мольбу не ответила. Северин вывел её из комнаты, ладонь лежала между лопатками и не позволяла оглянуться.

Когда дверь закрылась, чёрные нити повели запястья охранников. Первый клинок вошёл в плоть. Орлан закричал. Мирелль не обернулась.

В карете Северин сидел настолько близко, что их одежда постоянно соприкасалась. Чёрная перчатка была чистой, но после Искусства Нитей от пальцев исходил лёгкий холод. Мирелль вложила свою руку в его ладонь. Северин повернул голову.

Она не стала объяснять, что думает об их смерти. Не сказала, что Орлан заслужил. Просто оставила пальцы между его пальцами и смотрела на деревья за окном. Его рука медленно сомкнулась вокруг её руки.

После возвращения он не отпустил сразу. Только в комнате разжал пальцы, чтобы снять с Мирелль плащ. Она села на кровать и спрятала короткий список внутрь сложенной кар-

ты. Предлагать разойтись по разным комнатам она не стала.

Ночью Северин лёг позади, обхватив её одной рукой за талию. Мирелль попыталась оставить ему больше места. Северин притянул её обратно.

— Тебе всегда нужно что-нибудь держать, чтобы заснуть?
— сонно спросила она.

Северин крепче сжал её ладонь, лежавшую у него на груди.

— Тебе тоже.

Мирелль подождала. Дыхание стало ровным. Решив, что он уснул, она больше ничего не спрашивала. В его объятиях было тепло.

И проще, чем снова оставаться наедине с темнотой. Мирелль положила ладонь ему на руку и закрыла глаза. Северин не спал. Лист с тремя именами лежал у кровати.

Чёрные нити покрывали дверь и окно, каждый шаг в коридоре находился в пределах его внимания. Когда Мирелль уснула, её дыхание касалось его запястья. Ладонь Северина всю ночь оставалась крепко прижатой к её талии.

Глава 26

Небо за окном всё ещё было тёмным, когда Мирелль проснулась. Подушка каким-то образом оказалась задвинута в угол кровати. Засыпала она лицом к стене, но за ночь успела полностью развернуться: теперь её лоб покоился у Северина под подбородком, а пальцы одной руки крепко сжимали ткань на его груди. Стоило ей попытаться высвободить-

ся, как его рука сильнее обхватила её. Он не издал ни звука, дыхание не изменилось. Решив, что Северин спит, Мирелль опустила голову и осторожно начала выпутывать пряди волос из застёжек его перчатки. Она так сосредоточилась, что не заметила его взгляда. Лишь освободив последнюю прядь, подняла глаза.

— Я тебя разбудила?

— Ты трижды переворачивалась.

Мирелль приняла это без спора и попыталась сесть. Его ладонь оставалась на её талии, пока она не оглянулась. Только тогда Северин наконец отпустил её. Мирелль не стала спрашивать, почему он держал её всю ночь. Наверное, когда двое делят одну кровать, подобное просто случается.

Короткий список, полученный накануне, лежал на прикроватном столике. Первым в нём значился Эдрас Вален — бывший сотрудник Арканного Круга, занимавшийся проверкой крупных ритуальных контуров для храма. За двенадцать дней до катастрофы на дипломатической церемонии благословения он получил доступ к главному контуру под предлогом замены изношенных деталей. После происшествия его имя исчезло из всех официальных записей. Из книг Орлана следовало, что Эдрас продал не только сведения об оборудовании. Он также сообщил кому-то, что Мирелль не обладает магией.

Андервейл уже нашёл его. Эдрас скрывался в заброшенной мельнице к северо-востоку от Грейхейвена. Он почти не

выходил наружу; еду и магические кристаллы ему приносил один и тот же мальчик. Эдрас установил простой сигнальный контур и подготовил два пути отхода — этого хватило бы против обычных преследователей, но было бесполезно против людей, которые уже знали его имя и прошлое. Северин не стал ждать ночи. Он отправил к мельнице одного из бывших людей Орлана с сообщением: Мирелль поймана, а покупатель хочет, чтобы Эдрас проверил её на следы, оставленные ритуальным контуром. Под контролем Искусства Нитей посланник говорил совершенно естественно и повторил те же пароли, которыми пользовался в прежних сделках. Эдрас поверил не до конца, но дверь всё же открыл.

Внутри его ждал Северин. Мирелль там не было — только стол, лампа и три старых храмовых устройства. Увидев чёрные перчатки, Эдрас развернулся, чтобы бежать. Правая нога едва успела двинуться, прежде чем колени сами подогнулись.

— Я не имел отношения к аварии, — выпалил он. — Я всего лишь заменил несколько проводящих деталей. Чертежи пришли из храма. Что они собирались делать дальше, меня не касалось.

Северин сел за стол и подвинул к нему чистый лист.

— Пиши.

Правая рука Эдраса сама взяла перо. Сначала он записал дату, когда вошёл в главный контур, затем перечислил замеченные проводящие пластины, стабилизаторы и сердечник.

Сердечник, использованный в день катастрофы, вообще не предназначался для дипломатического контура благословения. Его сняли с другого, высоконагруженного контура после многих лет работы. Эдрас видел на нём следы неоднократного перегрева и повреждений. Он всё равно взял деньги и изменил результат проверки на «безопасно».

Когда дошло до места, где спрятали оборудование, его рука остановилась. Чёрные нити стянули пальцы. Один из пальцев с сухим хрустом выгнулся назад. Эдрас коротко вскрикнул, но другая рука оставалась прижатой к столу и не давала подняться. Северин дождался, пока его дыхание немного успокоится, и снова вложил перо между уцелевшими пальцами. Второй адрес тоже оказался ложным.

Северин посмотрел на лист и шевельнул одним пальцем. Настоящее место Эдрас назвал сразу. Уцелевшие части аварийного контура хранились в заброшенной шахте за городом. Сердечник уже разобрали и продали по частям, но проводящие пластины и записи управления оставались нетронутыми. В конце он записал имена двух мужчин, помогавших подменять номера оборудования. Одного после катастрофы заставили замолчать навсегда. Вторым был Кассел Вейн — торговец магическими артефактами, чьё имя стояло последним в их списке.

Когда Эдрас дописал признание, Северин передал его человеку за своей спиной. Эдрас поднял мокрое от пота лицо, пытаясь увидеть в этом жесте хоть какой-то признак того,

что всё ещё может пригодиться.

— Я могу отвести вас в шахту, — поспешно сказал он. — Вход запечатан. Только я знаю, как его открыть.

Северин поднялся. На лице Эдраса мелькнуло облегчение. А затем его левая рука потянулась к тонкому ножу на столе. Он попытался откинуть голову, когда лезвие прижались к горлу, но сам он не мог пошевелиться. Северин покинул мельницу, ни разу не оглянувшись.

Утро Мирелль провела в гостинице. Она изучала карту Грейхейвена и переписывала три имени в свою записную книжку. Когда Северин вернулся, она стояла у окна и завязывала в волосах новую ленту. Услышав дверь, Мирелль подняла голову. Пальто на нём было чистым, но перчатка на правой руке — другая.

Она не спросила, жив ли Эдрас. Вместо этого подошла и поправила воротник, который ветер завернул вверх. Северин несколько мгновений смотрел на её ничем не защищённые пальцы, затем перехватил её руку и сжал в своей.

— Нашёл оборудование?

— И оборудование, и книги.

— Хорошо.

Мирелль хотела вернуться к столу, но он её не отпустил. Подождав мгновение, она просто потянулась за записной книжкой и продолжила сверять расположение шахты, приклонившись спиной к его груди. Северин взглянул на три записанных имени. Палец лёг на последнюю строку и задер-

жался. Первое имя уже было зачёркнуто чёрным.

Глава 27

Второе имя принадлежало Лиоре Сен. Сначала Мирелль его не узнала. В храме к служительницам редко обращались полными именами. Она помнила лишь, что Лиора была старше её на шесть лет и два года помогала одеваться по утрам, готовила парадные платья, зимой грела её перчатки возле нагретого камня и знала, что Мирелль не переносит масло для волос с сильным запахом. После катастрофы Лиора покинула храм. В личном деле говорилось, что она ушла из-за пережитого потрясения и вернулась к семье на юг. Но платёж в книгах Орлана привёл Андервейл в западный район Грейхейвена. Там Лиора жила под другим именем и преподавала этикет в школе, где готовили служанок для богатых домов.

Мирелль сидела за столом и прочитала отчёт от начала до конца. Лиора продавала её расписание, привычки в еде и ежемесячные записи о здоровье. За неделю до катастрофы она сняла с щётки Мирелль прядь бледно-золотых волос, чтобы покупатель мог сравнить саму женщину с портретами Святой. В ночь побега Корона знала о плаще прачки потому, что Лиора обыскала комнату и сразу заметила, чего не хватает. Северин стоял позади и ждал.

— Я хочу услышать это от неё, — сказала Мирелль, положив отчёт на стол. — Если её рассказ совпадёт с этим, больше спрашивать меня не придётся.

Лиору привели в убежище вечером. Она не была ранена,

одежда оставалась целой, но обе ладони женщина прижимала к коленям, словно только так могла остановить дрожь. Увидев Мирелль, Лиора вздрогнула. Затем по старой привычке встала и поклонилась.

— Ваша Святость.

С тех пор как Мирелль бежала из храма, никто не обращался к ней так в лицо. Она сидела рядом с Северином и не стала ни поправлять Лиору, ни разрешать ей выпрямиться.

— В ту ночь, когда я ушла, именно ты сказала Короне, во что я была одета?

Лиора подняла лицо. Губы шевельнулись несколько раз, прежде чем ей удалось заговорить.

— Они сказали, что хотят только вернуть вас. У вас не было денег, вы никогда не жили за пределами храма. Я думала...

— Я спросила, ты ли это сделала.

В комнате повисла тишина. Наконец Лиора призналась. Сначала она продавала подробности, которые считала безобидными. Чем больше становились выплаты, тем чаще покупатели спрашивали о волосах, одежде и записях, касавшихся тела Мирелль. Лиора знала, что всё это можно использовать для создания поисковых артефактов. Знала и то, что кто-то пытается выяснить, действительно ли Святая обладает магией. И каждый раз брала деньги. После катастрофы она согласилась на последнюю сделку: когда Мирелль окажется в Вейре, Лиора передаст сведения о лекарствах, ко-

торами та может пользоваться в дороге, о её режиме сна и о самых простых способах держать её под контролем.

Мирелль слушала, положив ладони на юбку. Она не спросила, была ли хотя бы часть прежней заботы искренней. Не потребовала объяснить, были ли нагретые у камня перчатки ещё одной ложью. В двух годах заботы могло быть что-то настоящее. И деньги, которые Лиора брала, тоже были настоящими.

— Я поняла, — сказала Мирелль.

Северин отодвинул её стул. Когда она поднялась, он забрал из её рук книгу и привычно встал рядом. Лиора заметила эту молчаливую близость, и страх в её глазах усилился.

— Вы отдаёте меня ему?

Мирелль остановилась. Раньше Лиора никогда не говорила о мужчинах таким тоном. Даже когда в храме обсуждали брак, который собиралась устроить Корона, служители употребляли слова вроде «союз», «приём» и «честь». Теперь Лиора смотрела на Северина так, словно за ним уже захлопнулась дверь, из которой нет выхода.

— Ему не нужно, чтобы я тебя ему отдавала, — ответила Мирелль и вышла.

Северин не убил Лиору сразу. У неё оставалась связь с двумя посредниками, которые собирали сведения о клиентах для Орлана. В ту ночь, находясь под контролем Искусства Нитей, она вернулась домой и зажгла кристалл связи. Сказала, что видела Мирелль и готова продать местонахож-

дение её нового убежища. Всё это время Лиора оставалась в сознании. Чёрные нити даже регулировали паузы между вдохами, чтобы речь звучала точно так же, как обычно.

Оба посредника пришли до рассвета. После того как дверь за ними закрылась, наружу не вышел никто. Лиора собственными руками открыла книгу, спрятанную под половицами, а затем записала всё, что годами передавала Орлану о Святой. Северин забрал необходимое и заставил её сесть в кресло, из которого она обычно преподавала этикет. Лиора знала, что будет дальше.

— Она всегда боялась боли, — тихо сказала Лиора. — Даже ребёнком отворачивалась, когда у неё брали кровь. Не позволяйте ей это увидеть.

Только тогда Северин посмотрел прямо на неё. Похоже, одного этого взгляда Лиоре оказалось достаточно. Она закрыла глаза. Чёрная нить натянулась у неё за шеей и больше не дала произнести ни слова.

Когда Северин вернулся в убежище, Мирелль ещё не спала. Она сидела на единственном стуле и читала книгу, а стол был завален чертежами заброшенной шахты. Северин подошёл, забрал книгу и поймал её за запястье. Решив, что ему нужен стул, Мирелль начала вставать. Вместо этого он потянул её к себе и усадил на колени.

На мгновение всё её тело напряглось, а ладонь инстинктивно упёрлась в его плечо. Северин обхватил её за талию и снова вложил книгу ей в руки, словно именно так она и

должна была сидеть с самого начала.

— Рядом с нами целая кровать, — заметила Мирелль.

— Я вижу.

Отпустить её он не собирался. Мирелль посмотрела на занятый им стул, затем на бумаги. В таком положении и правда было удобнее, чем пытаться вдвоём тесниться у стола. В конце концов она перестала сопротивляться, откинулась на его грудь и продолжила читать. Подбородок Северина находился рядом с её плечом. Казалось, он смотрит в книгу, хотя каждый вдох касался кожи за её ухом. Каждый раз, когда Мирелль переворачивала страницу, пальцы на краю стула едва заметно сжимались. Она решила лишь, что сегодня Северин ещё меньше обычного хочет выпускать её из поля зрения. Мирелль не знала, что мысли его уже давно не были заняты книгой.

До рассвета второе имя оказалось зачёркнуто чёрным.

Глава 28

Кассел Вейн почувствовал опасность раньше первых двух. После исчезновения Эдраса возле шахты заметили незнакомые следы. Лиора пропустила назначенное сообщение, а вместе с ней исчезли оба посредника. Кассел не стал ждать подтверждений. Той же ночью он сжёг часть записей в своей лавке и приготовился покинуть Грейхейвен через северные ворота, забрав оставшиеся книги по оборудованию. Перед бегством он нанял людей, чтобы схватить Мирелль. Им дали адрес комнаты на третьем этаже гостиницы, возле две-

ри с синей стеклянной лампой. Кассел разрешил сломать ей ноги, если понадобится, лишь бы лицо и остальное тело не получили необратимых повреждений.

Сведения дошли до Андервейла в тот момент, когда Северин пытался заново завязать Мирелль волосы. Она сидела перед зеркалом, а он делил тёмно-каштановые пряди на части. В этом деле Северин явно был неумел, хотя руки двигались уверенно; стоило ему потянуть достаточно сильно, чтобы стало больно, как прикосновение тут же становилось мягче. В зеркале Мирелль увидела, как мужчина в сером передал ему записку. Северин прочёл её, не прекращая работы, и закончил завязывать последнюю ленту.

— Люди Кассела придут сегодня ночью.

Мирелль потрогала неровно уложенные волосы.

— Они меня нашли?

Его ладонь скользнула по затылку и остановилась на её плече.

— Пока нет. Сегодня ночью не позволяй им тебя увидеть.

На этот раз Северин не отправил её в другое убежище. Настоящих постояльцев гостиницы уже вывели через заднюю дверь, второй и третий этажи заняли люди Андервейла. Синюю стеклянную лампу перенесли к двери пустой комнаты. Настоящая комната Мирелль оставалась тёмной. После наступления ночи Северин сидел в тени, а Мирелль ждала на краю кровати в тёмном платье, не сковывающем движений. У неё не было оружия, она не владела магией, однако мысль

о вооружённых людях, идущих за ней, уже не лишала её самообладания. Северин велел оставаться там, где он сможет её видеть. Поэтому Мирелль спокойно ждала, время от времени поглядывая на полоску света под дверь.

Первые шаги послышались до полуночи. Пятеро мужчин разделились на лестнице. Двое остались у выходов, трое подошли к комнате с синей лампой. Идущий первым вставил отмычку в замок и быстро обнаружил, что внутри пусто. Он начал отходить, когда двери с обоих концов коридора одновременно захлопнулись. Чёрные нити спустились с потолка и просочились сквозь щели в полу. Один мужчина сам запер дверь на лестницу. Другой вытащил спрятанный в сапоге нож и перерезал шнур кристалла, которым его товарищ собирался подать сигнал. Прежде чем остальные поняли, кто ими управляет, их тела уже с отработанной точностью связывали друг друга.

Один сумел вырваться быстрее остальных. Он вломился не в ту дверь и обнаружил скрытый проход в комнату Мирелль. Она успела сделать лишь полшага назад, прежде чем он схватил её за запястье. А затем его рука замерла. Пальцы один за другим выгнулись назад. Первым с хрустом сломался большой палец, всё ещё цеплявшийся за её кисть, следом — указательный и средний. Боль бросила мужчину на колени, но чёрные нити стиснули горло и не позволили издать ни звука. Он мог лишь смотреть налитыми кровью глазами на дверной проём.

Там стоял Северин. На человека, стоявшего на коленях, он даже не посмотрел. Его взгляд был прикован только к запястью, которого тот коснулся. В следующий миг рука нападавшего сама вытащила короткий нож из-за пояса и вонзила ему в грудь.

Тело ещё не успело коснуться пола, а Северин уже был перед Мирелль. Он взял её за запястье и большим пальцем провёл по красным следам, проступавшим на коже. Затем осмотрел шею и плечи.

— Только запястье, — сказала она.

Выражение его лица не изменилось, но пальцы заметно сжались. Мирелль не успела понять, что он собирается делать, как Северин поднял её с пола — одной рукой подхватил под колени, другой крепко обхватил за талию — и вынес из комнаты, где уже пахло кровью. Она обняла его за шею.

— Я правда могу идти сама.

— Знаю. — Северин ещё раз взглянул на следы на её запястье и продолжил идти по коридору. — Просто сейчас не хочу, чтобы ты шла.

Нападавшие в коридоре оставались живы. Кассел должен был увидеть собственных людей, вернувшихся ожидаемым путём, иначе он не поверил бы, что похищение удалось. Северин оставил троих, обработал их раны и распорядился подать карету в переулок за гостиницей. Эти трое вернулись на грузовой склад Кассела с пустым сундуком и лентой, которая якобы принадлежала Мирелль. Они сказали, что она

спит внутри. Когда Кассел подошёл ближе, чтобы проверить, один из мужчин схватил его за плечо, а двое других закрыли двери склада. Из-за сундука вышел Северин.

Охранники Кассела даже не успели обнажить мечи. Чёрные нити первыми достигли запястий и коленей, один за другим заставляя всех шестерых опуститься на пол. Кассел отдал книги по оборудованию, которые не успел сжечь, сохранившиеся чертежи аварийного контура и чёрную печать, прежде использовавшуюся для связи с человеком, назначившим награду. Даже после полного признания Северин не убил его сразу. Кассела посадили на собственную повозку и заставили смотреть, как его охранники переносят каждую оставшуюся часть оборудования в транспорт Андервейла. Лишь когда исчез последний ящик, нити подняли его на ноги и повели в тоннель, по которому он сам собирался бежать. Из глубины донёсся приглушённый хруст кости.

Северин вернулся в новое убежище до рассвета. Мирелль ждала на кровати; следы на запястье уже начали бледнеть. Когда он вошёл, она приподняла одеяло и оставила ему место с наружной стороны. Северин снял пальто и лёг позади неё. Вместо того чтобы погасить лампу, он взял в ладонь её отмеченное запястье. Мирелль не спросила, что стало с Касселом. Она просто оставила руку, за которую хватал чужой мужчина, в ладони Северина. Он долго рассматривал остатки следов и медленно тёр кожу большим пальцем, словно хотел стереть всё, что тот человек оставил на ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.